

В.П. ФРОЛОВ

**АНДРЕЙ ПАСТУХОВ.
КТО ОН?**

В. П. Фролов

Андрей Пастухов. Кто он?

«Златоуст»

1978–1982

УДК 811.161.1

Фролов В. П.

Андрей Пастухов. Кто он? / В. П. Фролов — «Златоуст», 1978–1982

ISBN 978-5-907123-13-7

Биографическая повесть посвящена Андрею Васильевичу Пастухову, военному топографу, одному из первых русских исследователей Северного Кавказа. Его усилиями проведены топографические съёмки труднодоступных высокогорных районов Большого и Малого Кавказа. Для широкого круга читателей, интересующихся историей России, в частности историей изучения Кавказа. Для семейного чтения.

УДК 811.161.1

ISBN 978-5-907123-13-7

© Фролов В. П., 1978–1982
© Златоуст, 1978–1982

Содержание

Вместо предисловия, или несколько слов о корпусе военных топографов	7
Глава I	9
Глава II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	73

В. П. Фролов

Андрей Пастухов. Кто он?

© В. П. Фролов (текст), 2019

© ООО Центр «Златоуст» (редакционно-издательское оформление, издание, лицензионные права), 2019

Военным топографам посвящается

Государство имеет место быть, если оно отображено на карте.

Вместо предисловия, или несколько слов о корпусе военных топографов

Создание в России Корпуса военных топографов было обусловлено исторической необходимостью. Быстрое приращение государства новыми территориями в XVII–XVIII веках выявило необходимость картографирования как уже имеющихся обширных земель, так и присоединенных. Графические отображения границ отдельных княжеств и внутреннее межевание России не соответствовали требованиям времени, тем более что картографическая наука западноевропейских государств ушла далеко вперед. Поначалу топографическим обеспечением армии занимались офицеры Квартирмейстерской части, организованной Петром I 20 февраля 1702 года. После разгрома Наполеона, находясь в Европе, русская армия смогла оценить достижения передовых западных стран в области картографии.

На основании изучения зарубежного опыта указом императора Александра I от 28 января (по старому стилю) 1822 года в Санкт-Петербурге создается Корпус военных топографов и училище при нем. Корпус состоял из офицеров-геодезистов, классных топографов, топографов унтер-офицерского звания, классных военных художников, некласных художников, а также учеников. Офицеры и специалисты Корпуса начали работу над точными планами и картами местности, для чего выполняли обширные астрономо-геодезические работы по созданию государственной геодезической сети тригонометрических пунктов в качестве основы при топографических съемках. Эта сеть сыграла также важную роль при определении формы и размеров Земли и взаимного расположения на ней различных объектов.

С указанной даты началась регулярная подготовка военных топографов России. За двадцать лет своей деятельности они совершили невозможное. Десять поколений русских военных топографов вначале карандашом, а затем чертежным пером и тушью в тяжелых полевых условиях создали величайшую рукотворную трехмерную картину. Ее площадь превышает 25 млн квадратных километров. Но это еще не все: на эту канву они вручную нанесли десятки миллиардов условных знаков и нескончаемое количество линий по разработанной ими же математической основе. Впоследствии этот поистине титанический труд был растиражирован в миллионах экземпляров карт самых разных масштабов.

Так, только в годы Первой мировой войны общее количество отпечатанных для нужд армии карт вместе с довоенными запасами составило 139,6 млн экземпляров. Для сравнения: другие государства отпечатали: Австро-Венгрия – 65, Великобритания – 32, Италия и Франция – по 20 млн экземпляров карт. И только Германии удалось превзойти своих противников: в ходе подготовки к войне она отпечатала 275 млн экземпляров карт.

Приказом по военному ведомству № 140 от 10 апреля (по старому стилю) 1913 года для Корпуса военных топографов и военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба был установлен годовой праздник 10 февраля, в честь преподобного Ефрема Сирина.

Корпус военных топографов русской императорской армии просуществовал 95 лет, в дальнейшем неоднократно преобразовывался уже в составе Красной армии. Картографическая деятельность Корпуса была широко известна в научных кругах и за их пределами. На всемирных выставках (в Вене в 1873 году и в Париже в 1889 году) военно-топографическому отделу Главного штаба за выполнение топографических съемок на обширных территориях и за особые достоинства русских карт присудили премии, в Вене – еще и почетный диплом выставки. Многие из проектов Корпуса, например градусные измерения земной поверхности, не потеряли значения и в наши дни благодаря научной основе и высокой точности измерений. Воен-

ные топографы вывели русскую картографию в XIX веке на передовые позиции мировой картографии, их работу достойно продолжила советская военно-топографическая служба.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена одному из выдающихся русских военных топографов.

В. В. Фролов, военный топограф

Глава I

Мечты и действительность

Рождение детей в поселке – явление, не ахти какое редкое. Вон сколько их, босоногих, оборванных, по улицам в пыли вместе со свиньями да курицами копошатся. Но все равно появление нового человека не только в семье, но и на улице – явление отрадное и никого равнодушным не оставляет. Поди предусмотрит, что ему предстоит в жизни, чем он будет потом в семье – радостью или горем. Но сейчас и Доминикия Васильевна и Василий Антонович не скрывают радости по поводу появления в семье третьего.

Старшенькой Наденьке – девятый, нянька уже, Алешке – пятый. А без троицы, как говорят, и дом не строится. То, что и Андрейка в семье лишним не будет, все подтверждают своим отношением к нему, каждый по-своему, но явно доброжелательно.

В эти дни ни одна соседка не пройдет мимо Пастуховых, чтобы не забежать, и каждая что-нибудь прихватит. То какую-нибудь одежонку, что от своего выросшего осталась не доношена, то просто к чаю что-нибудь сладенькое; да что там говорить, и посудачить случай подходящий. Тем более что хозяйка – женщина добрая и отзывчивая, не обидится и сама не обидит, если что-то не то кто-то скажет.

– Весь вылитый Василий, – говорит одна, желая потрафить отцу, сидящему на лавке у печки, с явным достоинством принимающему поздравления по случаю рождения еще одного сына, тем более, как все говорят, на него похожего. Да как же иначе могло быть!

– Да брось ты, Маланья! Ни капельки нет в мальце от Пастухова, – тараторит другая, склонившись над люлькой, подвешенной на крюке, торчащем из потолка недалеко от «большого угла». Из небольшого свертка торчит розовое личико младенца с чуть заметными прорезями глазенок, рта да двумя дырочками ноздрей курносого носика.

– Ты мели, да знай меру, – встрепенувшись и поперхнувшись дымом от сигарки, отозвался на явный вызов соседки Василий, – может, в твоего Ивана пошел?

– Вот срамник, креста на тебе нет! У нас с моим своих хватает. И побольше, чем у тебя, – огрызнулась та, отпрянув от люльки.

– Да полноте вы, бездельники! Чего ерштитесь-то? Шуток не понимаете, а шутить беретесь, – вмешалась в разговор Доминикия. – Сам на себя он похож, и тем довольны все будьте.

А Андрейке было все равно, на кого он сейчас похож. Посапывал потихоньку, благо сытенький маминым молочком, под присмотром своей старшей сестры. Наденька Лешку от люльки решительно оттесняет, тому так и хочется «побеседовать» с братом, не с девчонками же дела иметь, нет у него к ним никакого доверия.

– Мама! – кричит Лешка. – Чего она меня трогает? Не с ней играть хочу, а с Андрюшей.

– Так он же спит, а ты его разбудишь. Кому потом успокаивать его придется, мне? – не сдается Надя.

– Пойдем со мной на огород, – говорит мать, беря за руку Лешку и, обращаясь ко всем, кто был в хате, тихо добавляет, направляясь к двери: – Да пойдем-ка все по делам своим.

Соседки, как бы вспомнив, что у них дел много, за хозяйкой заторопились, только Василий неторопливо, побрякивая, поднимается со скамейки. Ему тоже пора было идти на конюшню, упаси бог опоздать: шутмейстер строг, накажет не раздумывая.

Тяжка была служба коннослужашего, как называли солдат, прикрепленных к государственным конным заводам. Военская служба никогда не была легкой, повинность всегда есть повинность, тут и долг, тут и принуждение, но коли жить хочешь, так умей выживать. Ладно и то, что теперь коннослужащим разрешено семьями обзаводиться, от казны участок земли

предоставляется, на постройку хаты помощь полагается. Как-никак в своем домишке. Да когда в нем хозяйка хорошая, не такими постылыми служба и жизнь кажутся.

Невелик был недостаток от государственной службы, на одни провиантские не свести бы концы с концами, если бы не усердие Доминикии. За годы совместной жизни с Василием она делит с ним все труды и заботы, все пополам, а потом и радости, хотя и не столь частые, но случаются.

– Слава Богу, Василий, – шепотом говорит Доминикия мужу, уложив спать детей и подсев к нему, так еще и не вышедшему из-за стола после ужина, – в этом году мы на провиантские кое-что из одежки себе и детишкам справим, благо что урожай в огороде лучше прошлогоднего намного.

– Ну, я так думаю, что не только от Бога все зависело, – ласково сказал Василий, обняв жену левой рукой и поправляя правой пряди волос на ее голове. – Воду на огород ты без него носила, да и не видел я, чтобы он там еще что тебе помогал делать.

– Ты все шутишь, а если бы Бог здоровья не давал, то попробовал бы ты осилить всю работу, – осторожно освобождаясь из-под руки мужа и приподнимаясь со скамейки, проговорила Доминикия.

– Будем надеяться, что все будет хорошо, – ответил Василий, вылезая из-за стола. Усмехнувшись, он глазами показал на спящих ребятшек: – Тем более что помощников у нас с тобой все больше и больше становится в доме.

А семья росла. Через два года у Пастуховых родилась еще одна помощница, Ксенией ее назвали.

– Вырастет и эта, вот только бы у самих здоровье было, – говорили Пастуховы, – а помехой дети никогда не будут, ведь в них и радость, и надежды родителей.

Но не миновало семью лихолетье, прокатилась в то время по югу волна холеры. Как ни крепился Василий, не выдержал напасти, скончался, оставив на руках Доминикии четверых мал мала меньше.

Маленький Андрюша так и не понял, куда же делся папаня. Он же вчера дома был, на кровати лежал, еще по головке его ласково гладил, а их всех потом к соседям отвели, там они и ночевали.

В хате стало совсем тихо. Ксюшка и та как будто утихомирилась, меньше капризничает. Мама, такая добрая, нежная и веселая раньше, теперь часто ходит с заплаканными глазами и нередко, обхватывая своими теплыми руками все вместе четыре головенки, молча долго их целует.

Надюшке тринадцатый год, матери по дому во всем помогает, да и на огороде многие дела на ее еще не окрепшие плечи легли. Надо бы давно ее в школу пристроить, но не принимают, да и содержать ее у матери сил нет, работать надо. Меньшие тоже под ее присмотром.

Глядя на сестренку, они по мере сил тоже помогают матери на огороде, а ведь им хочется побегать с другими ребятами по степи и на речку.

– Мам! – кричит с огорода Андрейка. – Чего Лешка отнимает у меня самый большой гарбуз?! Это я его сажал, а не он.

– Этот я сажал, – настаивает старший, – спроси Надю, она видела, кто какой сажал.

– Леша! Не спорь, – вмешивается в спор братьев сестра, – отдай гарбуз Андрюше, а я тебе свой дам, еще больший.

– Так нечестно, – обижается Алешка и, оставив Андрея в покое, шарит в густой листве, пытаясь найти побольше плод, чтобы отнести в погреб, куда начали складывать все то, что выросло в огороде.

Время лечит многие раны, даже душевные. Доминикия Васильевна теперь работает за двоих, стараясь сделать в доме все так, чтобы дети не чувствовали отсутствия отца. Она была

еще молода, но считала, что вся ее жизнь в детях, и они признавали непререкаемый авторитет матери, отвечали ей нежностью и взаимной дружбой.

Соседи нередко говаривали Доминикии, какие хорошие у нее дети, и жаловались на своих «дармоедов».

– Бросьте вы, бабы, сетовать на своих ребятишек. Все они одинаковы, что мои, что ваши, – отвечала она, – только мы с вами в разное время бываем разными по отношению к ним. Потому они не всегда и не сразу понимают, какими же им быть нужно и можно, зачем взрослые занимаются их воспитанием по настроению, ведь им, несмышленишкам, трудно угнаться за взрослыми.

Что для Доминикии было само собой разумеющееся, для многих оставалось недоступным для понимания, а все это было не от науки; все соседки были либо неграмотны, либо знали только азбуку, могли написать разве что свою фамилию.

Однажды, возвратившись домой позже обычного, Андрей пытался незамеченным проникнуть в хату, но где там, разве укроешься от Надюшкиного внимания.

– Мам, мам! – раздается ее зычный голос из хаты. – Андрейка опять полные карманы камней притащил. Все подоконники завалил ими, я их выброшу.

– А вот и не выбросишь, – раздается из открывшегося окошка, на подоконник которого аккуратно раскладываются находки, – а если посмеешь, то я еще больше принесу.

– Не трогай его, доченька, – вмешивается мать, хлопочущая у глиняной печурки во дворе, готовя ужин, и поворачивается к Андрею: – Ты где пропадал сегодня?

– На Бабий Палец ходили, – отвечает он, – там много хороших камней.

– Вот чудак, – не сдается и Надя. – Разве камни могут быть хорошими? Не верь ему, мама! Из-за его камней мне цветы некуда стало ставить.

– Ладно, Надюша, не сердчай на него! Лучше пусть камни собирает, чем по чужим садам и огородам шастает, – вполголоса говорит мать дочери, подошедшей к ней.

– Обедать или ужинать будешь? – спрашивает Доминикия сына, все еще хлопочущего у окна в хате.

– Я сейчас, а буду все сразу, да еще и за всех могу.

– Вот как проголодался, видать, камни-то несъедобные, – иронизирует Надюша, удрученная тем, что не смогла постоять за свое право поддерживать красоту в хате, и в то же время гордая за своего любимого братишку, который «не как все».

Теперь на подоконниках свободного места нет. На одном – самые невзрачные по цвету, но причудливой формы камешки, на другом – разнообразные по цвету, на остальных – засушенные цветы, листья деревьев и трав. Даже Ксюше позволено потрогать, поиграть с его сокровищами, но при условии – положить все на место. Хотя и сетует Надя, но придраться к брату не может, порядок поддерживается на окнах, и для ее цветов места хватает, Андрей сам за этим следит строго.

– Завтра мы пойдем на конюшню, – жуя, сообщает Андрей матери.

– А что там смотреть будете? – спрашивает она.

– Говорят, сам начальник на выводке будет, – подняв вверх большой палец правой руки, сообщает Андрей, – всех жеребцов будут выводить¹.

– Да пустят ли вас, сорванцов, туда? – с сомнением спрашивает Надя, не упускающая случая подзадорить Андрея.

– Мы когда ходим на выводку, то никого не спрашиваем, через свой лаз пробираемся, – сообщает он. – Поняла?

---

¹ Деркульский государственный конный завод – один из старейших в России. Рысаки, выращиваемые на заводе, не раз выигрывали на скачках и в других видах соревнований не только на ипподромах России, но и за границей. Они пользовались спросом несмотря на высокие цены. Основная масса выращиваемых лошадей предназначалась для кирасирских полков. Выводили даже специальную «кирасирскую» породу ростом не ниже 4–5 вершков.

– А чего понимать-то? – стараясь придать голосу безразличную интонацию, отвечает Надя. – Подумаешь, невидаль – выводка.

– Конечно, что девчонки понимать в лошадях могут? – парировал Андрей. – А о выводке и совсем ни-ни.

– Все, хватит, дети, ссориться! Марш по своим местам! – решив пресечь перепалку, строго сказала мать, убирая посуду со столика, стоящего здесь же, рядом с летней кухней, под раскидистой грушей.

* * *

– Андрейка! – окликнул Ванюшка, когда ватага ребят пробиралась через тайную лазейку на ипподром. – Как думаешь, Уголек или Нечаянный сегодня возьмет первый приз?

– А по мне хоть оба сразу, – не задумываясь, отрезал Андрей.

– Что так? Или они тебе не нравятся, – не унимался дружок.

– То-то и оно, что нравятся оба – и разницы в них не вижу.

– Вот чудак. Все знают, что Уголек еще ни разу не обогнал Нечаянного. А ты не знаешь, который из них лучше?

– Кончай базар, братва! – приглушенным голосом прикрикнул на спорщиков Сергей как самый старший в ватаге, когда все очутились на краю поля, скрывааемые кустарником, растущим вдоль всего забора. Выбрав место, с которого было все хорошо видно, ребята расселись и стали внимательно всматриваться под навес трибуны, где собиралась администрация.

– Вона, сам полковник пришел, – восторженно вскрикнул Федотка, самый маленький. Он, как всегда, старался оказаться в чем-либо первым, чтобы старшие товарищи могли его заметить. Но, получив от соседа щелчок по макушке, осекся и замолчал.

Рассаживались приглашенные дамы и господа. Полковник Леонов в парадном мундире, поминутно снимавший картуз и вытиравший платком потную большую округлую наголо бритую голову, отдал последние указания штурмейстеру Мальцеву, считавшемуся самым лучшим на заводе. Жокеев и конюхов заканчивали приготовление к состязанию.

Ребятишки издали узнавали своих отцов и их подопечных лошадей. Споры о том, чей жеребец будет первым, для каждого из них были бессмысленными: каждый оставался при своем мнении, не подлежащем сомнению, и никакой авторитет остальных зрителей не мог поколебать его.

– Что там твой Голиаф?! – горячился Федотка, глядя страшными глазами на Ванюшку, которого в этом споре он не только не боялся, но готов был и биться с ним, если надо, чтобы отстоять право Буцефала на призовое место по перевозке грузов. Ведь это был жеребец его отца.

Андрейка сидел грустный. Уткнувшись подбородком в колени согнутых ног, он исподлобья следил за подготовкой на поле и в спорах участия не принимал, да его никто и не задевал в общем споре.

Как только состязания начались, все с головой увлеклись ими, сообщая, с видом знатоков, восхищаясь и рысачками, и упряжными, и рабочими лошадьми, что проносились мимо них по дорожке поля.

– Смотрите, ребята, смотрите, сколько везет Бонапарт! Молодец! – восторженно кричал Серега, когда конь по кличке Бонапарт обогнал Дебютанта, ведомого Серегиним отцом.

Возвращаясь домой, дети наперебой делились впечатлениями. Все говорили, и никто никого не слушал, и никто этого не замечал. Еще долго после ребятишки вспоминали прошедшие в Деркуле состязания. Андрей иногда нехотя уступал просьбам друзей и высказывал свои суждения, чаще примиряя спорщиков, чем оспаривая их мнения. Он по-прежнему любил предаваться своим увлечениям, уходил в степь или на берега Деркула, лазил по меловым кручам

или, закатав штанишки, бродил по его плесам, выискивая наиболее примечательные «чертовы пальцы» или ракушки.

Его привлекали бескрайние степи, изрезанные серебристой змейкой реки, бездонная синева неба и уже недетские мысли о том, что не видно отсюда. Что там? Ответа пока не было.

Мать видела стремление сына познать все, что было вокруг него, но сама помочь ничем не могла. В школу детям пора, да нет возможности пристроить ни его, ни Надюшку, ни Лешку, которым еще больше лет.

При заводе имелась небольшая школа, но туда принимали детей тех, кто служил, и то только по личному указанию полковника Леонова. С его подачи в школе готовили служащих в канцелярию или других работников.

О семье бывшего коннослужашего Пастухова на конном заводе не помнили. Только старый учитель, живший на одной улице с ними, давно заметил любознательность Андрейки и не упускал при случае возможность расспросить его, чем он занимается, и ответить на вопросы, которых у мальчика всегда было предостаточно.

Не думала Доминикия Васильевна сдаваться и покоряться судьбе, мечтала о лучшей доле для своих детей, чем досталась ей самой.

Надежда уже невеста, хорошая девушка, не засидится в девках, на примете и жених есть. Алексея, да и Андрея, скоро можно будет на какую-нибудь работу пристраивать, все легче жить станет. Младшей Ксюше девятый год пошел.

Но беда приходит всегда неожиданно. Нет бы пощадить эту, ничем не провинившуюся ни перед богом, ни перед людьми семью; так нет, снова обрушивает на нее свой неумолимый меч.

Снова холера стала косить людей. Только неделю мучилась Доминикия Васильевна, и окончательно осиротели дети. Никто из них не представлял, как жить будут теперь без мамы.

В их возрасте дети понимают, что происходит, но как жить одним, без родителей – в головах никак не укладывается.

– Ну что я с вами теперь делать-то буду? – сквозь горькие слезы говорила Надя.

– Надо искать работу, чтобы хоть какой да заработок был, – отвечал на вопрос Алешка. – Не найду работы в Деркуле – поеду в город. Буду зарабатывать, вам пришлю.

– Ты большой, Леша, может быть, и на работу устроишься, – согласилась Надя. – А с малышами как быть?

– Я тоже работу искать буду! – вставил свое слово Андрей.

– Из тебя какой еще работник-то, братец? – нежно поглаживая рукой по густой, слегка вьющейся шевелюре Андрея, сказала Надя. – Учиться бы тебя пристроить где-нибудь хотелось, чтобы ты у нас грамотным стал. Хотя бы один из всех нас.

– Учитель говорил мне, что при случае поможет меня определить в заводское училище, – оживившись, сказал Андрей.

– Вот бы хорошо было. Ты ему напоминай о себе, – просто, как о должном, подсказала сестра.

– Ты не думай, что это просто, захотел, пошел и учишься, – снова, как-то сразу сникнув, ответил Андрей.

– Что не так просто – это я по себе знаю. А чтобы ты учился, так я все сделаю, – с твердой ноткой в голосе заявила Надя, смахивая уголком черного платка крупную слезу, скатившуюся на щеку да там и застывшую.

В первые дни после похорон Доминикии Васильевны соседки, то одна, то другая, забежали к Пастуховым, помогали, кто чем мог, советовали Наде, как и что делать. Но поскольку у каждой своих забот хоть отбавляй, то скоро дети были предоставлены сами себе, и уж редко кто-то посторонний появлялся в хате.

Все заботы по дому взяла на себя Надя, а младшие ей во всем помогали и слушались. Дружно жили. Но течение жизни неумолимо. Младшие знали, что за их сестрой давно ухажи-

вал Колька Кемарский, живший поблизости. И когда Надя, собрав всех малышей за столом, покрасневшая и волнуемая, тихо сказала, что выходит замуж, – никто из них не удивился.

– Вот хорошо-то! – радостно хлопнув в ладоши, даже привскочив со стула, вскрикнула Ксения.

– Ты чему так радуешься? – оборвал сестренку Лешка. – Ведь самой потом хозяйкой в хате быть придется. И нас с Андрейкой кормить будешь, как Надя к Кемарским перейдет жить.

– Не серчай на нее, Леша! – примирительным тоном, положив руку на плечо брата, сказала Надя. – Она у нас еще глупенькая по малости, а помогать я вам все равно буду. Приходить буду.

Сыграли свадьбу, и Надя ушла из дома.

Дальние родственники, жившие в Луганске, обещали устроить Лешу учеником к мастеровому. Так что в скором времени и он покинул родную хату навсегда. Андрей и Ксения остались вдвоем. Они оба еще дети, а детство их уже далеко в прошлом.

Пришла однажды к ним младшая сестра покойной матери, живущая в другом селе. Посидели, поплакали, а потом и спрашивает она:

– Как же, горемыки мои, жить-то будете дальше?

– Мы уже привыкли одни жить и проживем, – храбрился Андрей, но грустно у него выходило.

– Знаю, Андрюшенька, что живете вы дружно и дом ведете, – говорила тетя, – а зима придет, что делать будете? Того нет, другого нет, а заготовить все нужное ваших силенок не хватит. Вот и выходит, что надо что-то придумывать.

Ушла тетя к Кемарским, вечером снова с Надей пришла и сказала, что они посоветовались и решили их разделить.

– Как это разделить? – вспыхнул румянцем, недоуменно спросил Андрей.

– Андрюшенька! – ласково, стараясь смягчить резкость сказанного тетей, обратилась к нему Надя. – Так нам всем легче будет, пойми!

– Так я не пойму, что мы с Ксюшей должны понять.

– Тетя возьмет Ксюшу к себе, где она и будет жить, а ты пойдешь жить к нам, к Кемарским, – пояснила Надя, – все согласны.

– Все согласны, а нас спросили? – уже более спокойно спросил он.

– Так вот мы и пришли спросить вас, да вместе с вами и порешить, как лучше сделать.

– Ты как, Ксюша? – обратилась Надя к сестренке.

– Как Андрюша, так и я, – глядя в глаза братцу, тихо ответила Ксения.

– Я за то, чтобы было тебе хорошо, – ответил Андрей, – а обо мне не волнуйся!

– Ну вот и сговорились, – скороговоркой выпалила тетя, молчавшая, пока дети разговаривали между собой. Она поняла, что начала весь этот трудный разговор слишком резко, не подумав, как дети воспримут, особенно Андрей.

– Хорошо, согласен и я, – примирительно сказал Андрей, – но Ксюша будет приезжать к нам, а я ее навещать буду.

– Конечно, никто вам перечить не будет, – с облегчением ответила ему тетя. – Мы сами-то чужие все, что ли?

На другой день Андрей провожал Ксению далеко за поселок, неся узелок с ее нехитрым скарбом. Глаза обоих детей были полны слез. Андрей очень любил младшую сестренку, и, провожая ее, он как бы терял последнее тепло своей семьи. Расставаясь, он крепко поцеловал Ксюшу в мокрую от слез щеку и, осторожно отстранив ее от себя, сказал:

– Иди, Ксюшенька, я тебя не забуду, – и долго стоял посреди пыльной дороги, провожая уходящих тетю и сестренку.

В последнюю ночь перед уходом из дома Андрей попросился у Нади ночевать одному, и она не перечила, согласилась, поняв, что ему хочется побыть в одиночестве. Да, он хотел этого. Как никто другой из детей, Андрей очень тяжело расставался с той жизнью, которая напоминала ему об умерших родителях, о сестрах и брате, уже покинувших дом, о том, что безвозвратно уходило в прошлое.

А мечты сейчас все сбились в расплывчатую череду каких-то туманных клочков. Сегодня Андрей мечтать не мог, он весь был в воспоминаниях. Он просто хотел выплакаться до конца, и чтобы ему никто не мешал, понимая, что потом плакать не придется, надо будет начинать жизнь.

У Кемарских Андрею жилось не так уж плохо. Работы по дому и огороду он не чурался, все мог делать и всегда добросовестно, что нравилось новым родственникам.

Отцовский дом за ненадобностью скоро продали, а на вырученные деньги купили всем детям одежду, обувь, да и мало ли еще в чем нужда бывает.

В свободное от работ время, особенно длинными осенними и зимними вечерами, Андрей посещал своих друзей, школьников, вместе с ними осваивал грамоту, часто помогал с домашними заданиями, так как жадно старался познать то, что до сих пор ему было недоступно, и преуспевал в этом.

Когда Андрею удавалось навещать учителя, то тот и не удивлялся, что мальчик мог отвечать ему на вопросы по арифметике и не только за первый класс. Выписывая буквы алфавита, Андрей тщательно выводил каждую из них, и получались они на удивление аккуратными и красивыми.

– Да ты молодец, Андрейка, и без школы можешь грамоте научиться, – подбадривал его учитель. – Вот если бы все мои сорванцы в школе так прилежно учились!

– А как стать путешественником, чтобы везде побывать, все увидеть? – спросил как-то Андрей.

– Совсем необязательно, мой друг, везде бывать и все самому видеть, чтобы много знать, – в раздумье, растягивая слова, сказал учитель. – Научившись читать, прочтешь книги, написанные людьми, которые что-то видели или слышали и описали это. И ты все так же представить себе сможешь, как будто сам там побывал и видел то, о чем прочитал.

– Не горюй, Андрейка! Раз у тебя есть большое желание, то будешь ты грамотен, – усмехаясь в свои пышные усы, говорил учитель. – Может быть, не таким, каким стал Ломоносов в свое время, но ты будешь самым собой и, думаю, не хуже многих других.

– Про Ломоносова я слышал, он и того позже в школу пошел.

– Вот-вот, я про это и хотел тебе сказать. Так что не отчаивайся, не падай духом, у тебя все еще впереди!

Андрей и не думал падать духом. Он уже мечтал, как выучится грамоте, как будет работать, заработает денег для себя, да еще и Ксюше даст. Тогда и поехать можно будет, куда захочет, хоть на край света.

Ох уж эти мечты! О чем только не подумаешь, когда вот так, устремив взор свой в синеву августовского неба, лежишь в пожухлой, но еще со стойким запахом полыни траве, когда тебя никто не видит, а ты охватываешь в мыслях весь пока еще незнакомый мир.

«Кто-то кличет. Вроде бы меня?» – всполошился Андрей.

– Андрейка, Андрейка, – теперь уже явственно слышится от поселка.

– Нашли-таки, – недовольно себе под нос бурчит он.

– Тебя учитель зовет, скорее! – кричит Ванюшка.

– А как ты меня нашел? – спрашивает Андрей, он же ведь никому не говорил, куда пошел.

– Знаю я твое место, всегда туда, в траву, прячешься.

– Ну ладно. А зачем я нужен?

– В школу давай, бегом, учитель тебя ищет. Дело, говорит, есть.

Взметнувшись с косогора, что есть мочи помчался Андрей. До школы рукой подать, раз-два – и там.

– Прибежал, пострел? Молодец! – отозвался учитель, повернувшись на табуретке к запыхавшемуся Андрею, стоящему в проеме двери.

– Сказали, что звали, – выдохнул он.

– Звал, звал. Очень ты мне нужен.

– Пошто?

– Вот теперь не торопись, отдышись и слушай, что я буду тебе говорить, – снимая очки и пристально вглядываясь в Андрея, как будто впервые его увидел, сказал учитель. Затем продолжал, подвигая ему другую табуретку: – Проходи и садись рядышком.

– Наверное, что-нибудь очень важное вы мне хотите сказать? – осмелев и немного придя в себя, спросил Андрей.

– Да. Очень. Есть возможность попасть в наше училище.

– Как попасть? – недоуменно спросил Андрей.

– Не прикидывайся непонимайкой! – усмехнулся учитель.

– Вот это да! Учиться?

– Да. Учиться. Слушай и не перебивай! – ласково повторил учитель. – А о чем скажу, пока никому не говори. Начальник завода послезавтра будет смотреть мальчишек и подбирать в ученики в первый класс. Он дал мне список, чьих ребяташек ему представить, но я решил «подсунуть» тебя ему без списка, ведь он будет проверять всех по их познаниям и пригодности к учебе, чтобы выбрать самых достойных. А я думаю, что тут-то мы с тобой ему и предьявим все свои козыри и можем выиграть.

– Что это, как в карты? – обиженно спросил Андрей.

– Обижаться будешь потом, если у нас с тобой ничего из нашей затеи не выйдет, – посерьезнев, ответил учитель.

– Хорошо, я на все согласен, Как вы скажете, так и сделаю, – примирительно сказал Андрей.

В назначенный час полковник Леонов соизволил прибыть в классы заводского училища. Развалившись в заранее приготовленном кресле, приказал стоявшему рядом в почтительной позе учителю:

– А ну-ка давайте сюда вашу голоштанную гвардию!

– Извольте, ваше высокоблагородие, – приосанившись, ответил тот и, открыв дверь на улицу, крикнул:

– Заходите, ребята, гуськом, по одному.

Пред грозные очи «самого» предстала целая дюжина, ребяташки стояли смущенные, раскрасневшиеся и такие притихшие, что в них нельзя никак было признать тех удалых сорванцов, которые навечно были прокляты в поселке всеми бабками, как родными, так и чужими, за свои вечные, как мир, проделки.

Все они были приодеты, даже подстрижены. Это были настоящие смотрины, только не невест, а мальчишек, может быть, их судьба определялась в тот момент. Потому и немудрено, что так волновались не только ребяташки, но и их родители, скучившиеся неподалеку, на лужайке.

Андрей был здесь же, в общей толчее, которую учитель пытался без особого успеха упорядочить в подобие воинской шеренги. Как ни предупреждал учитель накануне, он не мог не чувствовать себя лишним в списке и потому жался позади остальных. Но возраст и рост выдавали его, и он от этого еще больше смущался.

Полковник Леонов наметанным глазом определял пригодность будущих своих подчиненных к службе на заводе. Задав один-два вопроса, ставил против фамилии ребят значок,

который означал, кому придется потом служить на конюшне, а кому – в канцелярии, если, конечно, пойдет учеба.

– Вроде бы я всех проверил, – смотря по списку и шеренге ребяташек, сказал полковник, – а тут еще самый большой остался.

– Ваше высокоблагородие! – поманив к себе пальцем Андрея, ответил учитель. – Это сынок померших Пастуховых, он сейчас один из семьи остался. Одиннадцатый год ему, а в школу так и не мог попасть, но зато сам по себе многому из грамоты научился.

– Самоучка, говоришь? Это редко. Что ж, давайте и его заодно проэкзаменуем!

Андрей осмелел и на все вопросы отвечал бодро, чем еще больше заинтересовал полковника.

– Так, говоришь, и писать умеешь? – спросил тот, удовлетворившись ответами Андрея и по арифметике, и по географии, и даже по Закону Божьему.

– Отлично умеет, – опередил Андрея учитель и поднес небольшой лист бумаги, на котором, как вспомнил Андрей, ему пришлось писать по просьбе учителя незадолго перед памятным с ним разговором: – Взгляните, ваше высокоблагородие!

– Ба! Смотри-ка, в школу еще не ходил, а как пишет, шельмец! – удовлетворенно произнес полковник и обратился к Андрею: – Значит, все сам?

– Не только сам, учитель помогал, – смущенно ответил Андрей на вопрос, исподлобья взглянув на учителя, стараясь заметить по его лицу, правильно сделал или нет, не будет ли нагоняя учителю.

Но учитель был спокоен, он уже понял, что полковнику Андрей понравился – и за познания, и за степенность, и за выдержку при ответах.

Не всякому ребенку выпадало в те времена мечтать об учебе. Андрей Пастухов же мечтал. Так он и был принят в заводское училище. Несмотря на то что от работы по дому Андрея не освобождали, он успешно справлялся с учебой и заметно опережал своих одноклассников в усвоении программы.

Учителя поощряли любознательность мальчика и старались давать ему дополнительные задания, направляя его усердие так, чтобы развить у него естественные наклонности, открыть широту познания хотя бы в том узком круге вопросов, которые предусматривались программой училища. Даже старый священник и тот позволял себе иногда снисходительно относиться к вопросам отрока Пастухова: умные вопросы задавал пострел, но без ехидства.

Научившись хорошо читать, Андрей пристрастился к чтению. Ему было мало тех книжек, что имелись в училищной библиотеке, и он читал все, что можно было найти у соседей, дома у учителя. Андрей охотно помогал товарищам в учебе, и те всегда обращались к нему, ведь он никогда не отказывал в этом, всегда рассказывал что-нибудь интересное, вычитанное им из книг.

– Андрей! Ты что читаешь? – спрашивает Надя брата, прятывшегося в листе дальнего угла сада, когда бывает свободная минутка.

– Знаешь, сестренка, – как-то быстро и без тени недовольства отозвался Андрей, – снова «Мцыри» Лермонтова, уж очень мне эта поэма нравится. Хочешь, расскажу тебе о ней?

– Ладно, – улыбнувшись, сказала Надя, – потом расскажешь, сейчас мне некогда. А ты о Кавказе можешь без конца рассказывать.

Андрей с упоением читал Пушкина, а особенно любил Лермонтова. Если были слушатели, старался декламировать так, чтобы передать всю прелесть кавказской поэзии любимого поэта.

Когда начальник конезавода интересовался, как идет учеба в училище, то ему называли наиболее успевающих учеников, так было установлено им самим. После каждого учебного года полковник выбирал наиболее способных из них для использования в своем хозяйстве.

* * *

Вот позади три года учебы в училище. Андрею вручают похвальный лист. Начальник канцелярии конезавода, подозвав его к себе, сказал, чтобы завтра же с утра он явился в канцелярию на службу: так распорядился полковник.

Не дождавшись конца торжественного вечера, Андрей на радостях помчался домой.

– Ну, Надюша, – раскрасневшийся от чувств, его охвативших, с листом в руке, кричит он с порога хаты, – поздравляю тебя и всех наших!

– С чем это ты нас поздравляешь? Уж не с окончанием ли училища? – подняла голову от шитья Надя.

– Точно, с этим, – подтверждает он, подбегая к сестре и целуя ее в обе щеки.

– Так кончали школу не мы, а ты, не так ли?

– Вместе кончали. Если бы не вы все, как бы я мог учиться? Вот мама порадовалась бы с нами вместе, – сразу же сникнув, растягивая слова, произнес Андрей.

– Что поделаешь, брат?! Знать, судьба такая ей и нам всем выпала, – смахнув со щеки непрошенную слезу, тихо проговорила Надя, вставая со стула и прижимая к себе Андрея, ставшего как-то сразу большим, возмужавшим, чего за повседневными заботами как-то и не замечала.

– Теперь ты самый грамотный у нас, и мы рады за тебя, а грамотному дел много найдется. А что это за лист у тебя в руке?

Только теперь Андрей вспомнил о награде, которую держал в руке и не успел показать сестренке.

– Это похвальный лист, за учебу дали, – сказал Андрей, протягивая его Наде.

Надя долго рассматривала большой лист бумаги, на котором среди разных завитушек, изображений развернутых книг было что-то крупно написано золотистыми буквами, а помельче – черными, и стояла большая круглая печать. Такого она еще не видела, и вот эту бумагу, такую красивую, дали ее брату.

– Да! Забыл тебе сказать, что меня вызывают в канцелярию. Будто бы мне там дадут работу.

– Вот ты и совсем теперь взрослым становишься, сам себе на жизнь зарабатывать будешь, – проговорила Надя, притянув брата к себе и поцеловав его.

– Я и вам помогать буду, теперь нам всем легче будет, – с гордостью в голосе, выпрямляясь, ответил Андрей.

Рабочий день на конном заводе начинался рано. К открытию канцелярии Андрей стоял у дверей и на вопросы канцеляристов, что ему здесь нужно, отвечал, что вызвали, но не говорил зачем.

– Пришел? – как-то неприветливо спросил Андрея начальник канцелярии. Он вошел, когда уже все канцеляристы сидели на своих местах, уткнувшись в бумаги, но изредка бросали взгляды на начальника и Андрея: не зря же начальник ждал прихода его, по первому вопросу было ясно. Больше всего канцеляристы боятся соперников по своей службе: упаси Бог, если попадется какой удачливый, и тогда не миновать кому-нибудь из них засидеться в помощниках до конца дней своих.

– Как вы велели, – подтвердил Андрей, старавшийся подавить смущение, которое не покидало его со вчерашнего дня. В его душе смешивались чувства радости и робости перед предстоящими переменами в его жизни.

– Вот, господа, ваш новый коллега, гос... – начал с некоторой церемонностью офицер, но замялся и притворно кашлянул, как будто на полуслове у него запершило в горле. На самом же деле при проведении привычного ритуала возникло неподвижное сомнение, следует ли

величать этого мальчугана господином, представляя его по большей части в годах и имеющим положение канцеляристам, и притворившись, что кашлянул, он продолжал: – ... Пастухов. – А дальше шло обычное: – Прошу любить и жаловать, – хотя и не очень официальное, но в данном случае подходящее, чтобы новичка не обидеть и не дать намека на какое-либо снисхождение к нему.

Кто с усмешкой, кто равнодушно, присутствовавшие коротко кивнули головами в сторону Андрея и, подчеркивая свою занятость, сразу же уткнулись в бумаги.

– Вот твое место, – указав пальцем на свободный столик, стоящий в самом отдаленном и темном углу обширного помещения канцелярии, сказал начальник и обернулся к седому, с раздвоенной бородой унтер-офицеру, вскочившему со стула: – А ты поручи Пастухову переписать несколько бумаг, и потом явитесь оба ко мне.

Затем, повернувшись, походкой щеголя направился к двери, что вела в небольшую боковую комнату, служившую ему кабинетом.

Андрей не чувствовал робости, приступая к работе. Юноша любил письмо в школе, выработал четкий каллиграфический почерк, за который хвалили, он писал грамотно и потому писарской работы не страшился. Переписав несколько документов в свой первый день работы, он отметил про себя, что со стороны старших и опытных коллег не было ни насмешек, ни удивления на лицах, когда они как бы случайно проходили мимо его столика и оценивающим взглядом окидывали исписанные им листы.

По любому неясному вопросу Андрей просто, но с уважением обращался к рядом сидящим писарям, а не к начальству, как это иногда делают некоторые люди, старающиеся быть на виду у начальства по поводу и без него. Это вызывало доверие к нему со стороны старших товарищей по службе.

Андрей не гнушался никакой черновой переписки бумаг, пусть и самых пустяковых, без обиды выполнял уборку помещения, успевал то и другое делать своевременно.

Скоро все в канцелярии стали относиться к Андрею по-товарищески и заботливо, зная, что он сирота, но не были навязчивы в этом. Начальник, слывший чопорным и придирчивым, не пытался выискивать огрехи в его работе и при докладах полковнику Леонову о состоянии дел в канцелярии нередко выделял положительные качества нового писаря.

Среди писарей были старые служаки, за плечами которых были многие годы воинской службы, и их рассказы о былых походах были особенно желанны для Андрея.

– В Гунибе, помню, это было в пятьдесят девятом... – услышал как-то Андрей неторопливый рассказ старого унтера. В свободную минутку тот уселся на скамейке у входа в канцелярию и попыхивал огромной трубкой, вокруг собрались слушатели. Поведал он, как отважные апшеронцы штурмовали недоступные отвесные скалы гунибской твердыни Шамиля, как пленили его и тем завершили покорение горцев. Прислушавшись, Андрей не мог оторваться от захватывающих воспоминаний ветерана Кавказских войн. После этого у старого воина не было более внимательного слушателя, чем новый писарь.

– Забегай ко мне домой, – сказал однажды унтер Андрею, – не то еще расскажу.

С тех пор старый унтер-офицер и юный писарь стали большими друзьями, Андрей многое узнал о Кавказе, его недоступных вершинах, покрытых вечными снегами, о диком нраве горных ручьев и рек, о вечнозеленых лесах и богатых полях жарких долин, о свободолюбивых людях, там живущих, об удивляющих своей храбростью и много повидавших русских богатырях. Андрею досталось несколько небольших книжек о баталиях русских войск на Кавказе, затертых, зачитанных в походах и оттого ставших еще более ценными для него.

Зачитывался Андрей и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя, а когда он пересказывал прочитанное ребятишкам, собирающимся около их хаты в длинные осенние вечера, то многие из них после этого боялись возвращаться домой. Ему приходилось самому разводить

детей по хатам, что не мешало тем снова и снова требовать повторения рассказов со всеми их ужасами на следующий вечер.

Мечты обуревали пылкое воображение Андрея. Он наслаждался услышанным и прочитанным, но со временем хотелось самому увидеть многое из того, о чем он узнавал от других, а для этого надо быть либо путешественником, либо воином. Работая всю жизнь писарем, вряд ли он имел бы возможности для этого.

Многие его коллеги по канцелярии, что греха таить, мечтали о том, как бы за счет менее удачливого в карьере соседа по столу подняться на какую-то ступенечку повыше, и дальше стен канцелярии их намерения не простирались. Андрей же хотел познать мир далеко за горизонтом их Деркула.

«Надо учиться, – говорил себе Андрей. – А где и как?»

– Приходи вечерком ко мне, – сказал однажды старый учитель, у которого Андрей учился в училище, – потолкуем.

Пришлось братья за учебу снова. Учитель помогал доставать учебники по гимназической программе, изредка устраивал проверки усвоения материала, хвалил за настойчивость.

Закончился первый год службы Пастухова в канцелярии. 18 августа начальник канцелярии пожал ему руку и поздравил с днем рождения. Андрею исполнилось 16 лет.

Под осень по канцелярии пополз слухок, что в этом году полковнику Леонову предписано послать одного из помощников писарей на курсы писемоводителей в столицу.

– Слышал, Андрюша, новость? – спросил как-то унтер-офицер, когда они вместе возвращались после работы. – Одного на курсы посылают.

– Говорят, да мне ведь все равно, – стараясь казаться равнодушным к этим слухам, ответил тот, – меня не пошлют.

– А я бы послал тебя, – решительно высказал свою мысль унтер-офицер.

– Что вы, – покраснев от добродушной прямоты собеседника, начал Андрей, – вон сколько у нас в канцелярии желающих, постарше меня и с опытом.

– Все это так, но не все из них достойны, – решительно излагал унтер-офицер Андрею свою мысль по этому поводу.

Скоро в канцелярии стали поговаривать о конкретных кандидатах на курсы, и возникла неловкость в отношениях среди служащих. А Андрей и на самом деле был далек от того, чтобы думать, будто его кандидатуру можно серьезно рассматривать, да и сослуживцы к нему относились по-прежнему благодушно, никто в нем соперника для себя не усматривал.

– Андрей! – однажды как-то по-особенному крикнул помощник начальника, выходя из кабинета шефа. – Быстро к штабс-капитану!

Сборы были недолги. Через трое суток в вагоне третьего класса, до отказа набитом разношерстной публикой, мешками и корзинками, Андрей подъезжал к Санкт-Петербургу. Вокзальная сутолока вначале поразила его, не привыкшего к скоплению такой массы людей, беспорядочно снующих в разных направлениях, как муравьи на тропе к муравейнику. В глазах рябило от человеческой мешкотни; крики носильщиков, говор толпы, гудки паровозов, громыхание движущихся вагонов и лязг буферов сливались в один гул.

Поток пассажиров вынес Андрея из поезда. С небольшим деревянным ящиком в руках, что остался от солдатской службы отца, Андрей наконец протиснулся под аркой Николаевского вокзала и выбрался из толпы, как щепка из бурного речного потока, распавшегося на отдельные небольшие ручейки и оттого потерявшего свою силу. Теперь он остался один на широкой Знаменской площади.

День начинался хмурым полутемным утром. За частой сеткой мелкого, сеющего с низкого неба дождя по всему периметру округлой площади тускло вырисовывались серо-зеленые громады строений с глубокими прорезями проспектов между ними.

Завидев поблизости городского, Андрей подошел к нему и спросил, как пройти на улицу, на которой размещалось Главное управление государственного коннозаводства. И хотя городской сказал, что это далеко, юноша решил идти пешком, хотелось сразу же посмотреть на диковинную столицу, да и денег лишних на извозчика не было.

Подготовка оставляла желать лучшего, но Андрей сразу вошел в размеренный ритм учебы на курсах. Благодаря усидчивости со временем преуспел в усвоении преподаваемых дисциплин. Как ни трудно было учиться, но Андрей выкраивал немного времени на знакомство с городом. Он не мог упустить предоставившийся случай побывать в столице и посмотреть ее. Каждую свободную минутку он уделял осмотру достопримечательностей, знакомству с уличной жизнью.

Бродя с товарищами по вечернему Невскому проспекту, всегда заполненному толпами гуляющих, Андрей мысленно пытался представить себе жизнь за стеклами ярко светящихся окон, но так и не мог, еще не видел он другой жизни, кроме той, что была его делом в далеком степном Деркуле, а жизненного опыта и фантазии не хватало.

Если он раньше слышал от бывалых людей о столице рассказы, то запоминались ее дожди, поливающие чуть ли не каждый день, страшные морозы, но теперь Андрей убеждался лично, что она, эта Северная Пальмира, сама красит суровую северную природу.

Пытливый по характеру, Андрей силился понять, как можно было взметнуть на такую высоту ангела на шпилье Петропавловского собора, укрепить на постаменте огромный гранит Александровской колонны, доставить к месту, где теперь возвышается символ города Медный всадник, карельский валун, гораздо больший, чем их хата.

Проходя мимо Исаакиевского или Казанского собора, Андрей восхищался ими и одновременно чувствовал себя придавленным величием их колонн, если вступал в тень поддерживаемых ими портиков. Когда же в одно из зимних воскресений ему вздумалось выбраться на середину Невы, закованной ледяной броней, то казалось, что он видит город, его дворцы, очерчивающие берега набережные, мосты, нависшие над рекой, стрелку Васильевского острова и Петропавловскую крепость с места, не только буквально неземного, но и фантастического, не всем доступного. И, конечно, казалось Андрею, что никакому рассказчику не передать всей красоты и силы воздействия на человека того, что он сам здесь может увидеть, запечатлеть в своей памяти.

С тем он и вернулся в родной Деркул в марте 1875 года, после того как ему выдали диплом об успешном окончании курсов и назначение писарем 2-го класса в ту же канцелярию.

– Ура! – вопреки всякому порядку порядочного учреждения крикнул первым увидевший входящего Андрея его дружок по службе. – Пастухов явился, аки Христос.

– Спасителя из него не получится, а погубить кого-нибудь из нашего брата ему придется, – не преминул мгновенно съязвить другой писарь, которому не удалось поехать в Санкт-Петербург.

– Во-первых, господа, здравия желаю, – сдержанно улыбаясь, сказал Андрей. Заметив в общем-то благосклонное к себе внимание, он осмелел, пожимая протягиваемые ему руки.

Пастухов был искренне рад такой встрече сослуживцев, которая показала, что он останется для них тем же товарищем и не будет вызывать обиды с чьей-либо стороны. Сам он не имел ни к кому из них каких-либо претензий.

На шум из своего закутка вышел штабс-капитан в, собираясь сделать выговор за беспорядок в служебное время. Увидев подходившего к нему с намерением доложить о прибытии Андрея, он не удержался от доброжелательной улыбки и, выслушав рапорт, крепко пожал тому руку и поздравил с прибытием и назначением.

– Теперь с тебя, Андрюша, приходится, – улыбаясь в густые усы, сказал старый унтер-офицер, когда штабс-капитан возвратился к себе, и, обняв молодого друга, поцеловал его.

– За мной дело не станет, – в тон ответил Андрей.

Весна в том году выдалась ранняя. Глубокая синева неба, оттеняемая серо-белыми барашками редких облаков, до самого горизонта охватывая степь, дышала на еще влажную землю потоком солнечных лучей, выбивающих ярких светлячков из капель росы, провожающих утро.

В свободный от службы день Андрей спозаранку, как бывало в детстве, бежит в степь, к сверкающей ленте Деркула. Вот она, ширь степная, бесконечная для мысли и дел. Что может быть для человека более прекрасным и желанным?

В такой день в степи ни о чем другом, кроме того, что видишь вокруг, думать не хочется. Далеко, в тумане расстояния и времени остался прекрасный, величавый Петербург, да и не он владеет мечтой Андрея, просторы родины влекут его к себе. Теперь у него есть положение, хороший заработок. Как бы рада была мама, если бы он мог с ней поделиться своими мыслями о желанном будущем! Она всегда любила, когда он говорил ей об этом еще тогда, в детстве.

В Надиной семье он не чувствует себя одиноким, он хороший помощник. Приходила Ксюша. Как радовались они этой встрече! Только от Алеши так и не было вестей, совсем оторвался от своих. Каково ему там одному?

Мечты, мечты, а завтра с утра снова канцелярия и бесконечные бумаги. Чего же мечтать-то?

* * *

– Ну что, мечтатель? – спрашивает писарь Петрушка, положив на плечо руку. – Снова за книжки взялся?

– Знаешь, что мне однажды сказал один умный человек? – глядя на товарища снизу вверх, проговорил, растягивая слова, Андрей.

– Умный умному ничего не скажет, – рассмеялся над своим каламбуром Петрушка. – Надо своим умом жить. Понял?

– Как не понять, – улыбнулся Андрей, – но только я понимать стараюсь и тебя, и того, о ком разговор начал.

– Ну ладно, – снисходя до внимания, протянул Петрушка, – поведай тайные слова твоего умника.

– Говорил мне тот человек, что благодаря книжкам любую мечту в жизнь претворить можно, а говорил это мой старый учитель, который, между прочим, учил уму-разуму и еще кое-кого, – спокойно и твердо, глядя в глаза Петрушки, сказал Андрей.

* * *

– Андрейка! Ты снова корпишь над книжками, – смеясь, тараторила вбежавшая в хату соседская Анютка. И, закрыв ему учебник по алгебре, тащила за собой, схватив за рукав: – Кончай, а то заучишься!

– Ладно, иду, дай книжки собрать, – сдаваясь, говорил он, и, смеясь, они бежали на майдан, большую площадь в центре поселка, где в те дни были установлены карусели и тешили народ какие-то приезжие скоморохи.

Надюшка давно подтрунивает над братом, что сохнет о нем девка, все уши прожужжала, уж какая она прехорошая да работающая. Да и ему она нравится.

«А что! Кто говорит, что она плохая? Хорошая дивчина. Но это немножко позже. Вот выучусь, и тогда погуляем на славу. И женимся», – думает Андрей.

Весной 1876 года, в апреле это было, хорошо помнит Андрей, в канцелярию зашел офицер, не похожий на коннозаводских, поздоровался с писарями и спросил, где можно найти начальника.

– Ваше благородие, – обратился унтер-офицер к прибывшему, – господин штабс-капитан скоро будут.

И, выдвинув из-за стола свободный стул, предложил сесть.

– Благодарю, ветеран, – почтительно сказал офицер, поудобнее устраиваясь на скрипучем стуле. – Не посчитайте за назойливость, но осмелюсь полюбопытствовать, где проходила ваша, видать, долгая, служба?

– Если любопытствуете, то и я осмелюсь, – отвечал унтер, как-то приосанившись и обведя глазами писарей, прекративших работу. Ему хотелось показать, что его возраст и заслуги перед царем и отечеством заслуживают почета и внимания и не таких молокососов, как они, а даже незнакомого капитана. Тот тоже не очень молод, а вот заметил его сразу и перед всеми выделил, что редко бывает. – Я, ваше благородие, не всегда в писарчуках ходил.

Испросив позволения сесть, он продолжал:

– Пришлось во многих делах побывать, и все на Кавказе.

– На Кавказе? – переспросил капитан. – Вот счастливцев, а я всю жизнь о Кавказе мечтаю и никак не попаду туда. Прости меня, что перебил тебя, отец, говори дальше о своей службе.

– Пришлось принять участие в баталиях с турками за Кавказом, под началом генерала Николая Николаевича Муравьева в 1855 году довелось воевать с горцами Шамиля под аулом Веден, а потом с апшеронцами в Гунибе пленили его, – закончил унтер рассказ.

– Богата твоя служба, похвально! Скоро, наверное, и на отдых идти надо будет? – спросил капитан.

– Да... – хотел уточнить унтер-офицер, но в это время в канцелярию вошел штабс-капитан, и унтер, обращаясь к нему, доложил, что его ожидают.

Приезжие офицеры – не редкость на конезаводе, никто из них мимо канцелярии не пройдет, а этот офицер какой-то другой, не кавалерийский. Интересно было бы узнать, по какому делу прибыл этот.

– Господа! – обратился штабс-капитан к писарям, выходя из кабинета в сопровождении чужого офицера. – Вы в поселке всех жителей, наверное, знаете и, может быть, подскажете, у кого свободная комната в хате есть?

Оказалось, что это дело простое, и вскоре капитан вышел из канцелярии в сопровождении паренька-рассыльного.

Андрей не мог отвлечься от мысли, что и этот офицер тоже о Кавказе мечтает. Через несколько дней, идя домой, Андрей увидел на перекрестке улиц того офицера. Он стоял, склонившись над столиком с тремя тонкими ножками, и что-то писал или чертил на нем. На столике стоял какой-то прибор. День клонился к вечеру, но солнце еще ярко светило, и от него-то офицер прикрывался большим парусиновым зонтом, который придерживал на воткнутой в землю палке один из солдат, окружавших работающего. Вокруг военных сновали вездесущие ребятишки, и капитан нередко должен был давать солдатам указание, чтобы те отбивали «натиск» слишком любопытной толпы малышей.

Офицер, отрываясь от столика, брал левой рукой прибор и наводил его трубу куда-то вдоль улиц, потом снова склонялся над столиком, а один из солдат кому-то махал красным флажком.

Андрей, сам не замечая того, приблизился к группе военных. Ему тоже хотелось посмотреть, что тут делается, но боялся помешать, да и не маленький, чтобы глазеть, как будто у него дел нет.

– А! Господин писарь, – приветливо сказал офицер, приметив Андрея, когда оторвался от столика. Он улыбнулся, показывая на малышом: – Также помогать мне пришли, как вон эти пострелы?

– Откуда вам известно, что я писарь? – смутился Андрей.

– Экая тайна! В канцелярии еще заприметил, когда заходил туда по приезде, – продолжал офицер, затачивая маленьким ножичком карандаш, – а зрительная память у меня хорошая, профессиональная.

– Какой же из писаря помощник? У вас какая-то особая работа?

– Особая, это верно, – показывая глазами на столик, продолжал капитан, – но если вы писарь, то значит, у вас хороший почерк, а если еще, к счастью, вы немножко художник, то из вас вполне может получиться топограф.

– А кто такой топограф? – спросил Андрей.

– Например, я и есть топограф, – улыбаясь, пояснил капитан.

– Но вы же военный, офицер, потому и топограф?

– Это совсем не обязательно, есть топографы и гражданские, они делают то же самое.

– Это интересно, господин офицер. А вы не позволите мне взглянуть в трубу вашего прибора? – спросил Андрей, осмелевший от проявленного к нему внимания.

Капитан прикрыл листом бумажки вырез, навел трубу куда-то вдоль улицы и сказал:

– Извольте! Только смотрите одним глазом, другой закрывайте.

Андрей осторожно подошел к столику и, прильнув к концу трубы, стал всматриваться в ее крохотное круглое отверстие. Он ничего не мог там увидеть, хотя смотрел и левым, и правым глазом поочередно, пытался закрывать один из них ладонью.

– Не спешите, – заметил офицер, – лучше левым всмотритесь внимательно, а правый постарайтесь закрыть без помощи руки, но без напряжения.

– О! Вижу, вижу! – оторвавшись от трубы и глядя поверх нее в том же направлении, воскликнул Андрей. – Но не пойму, что же я вижу.

– Так что же вы увидели в трубу? – допытывался капитан у Андрея.

– Вижу изгородь, у которой стоит вверх ногами солдат с такой же большой линейкой, как эта, – показал он на рейку, которую держал один из солдат, что стоял рядом.

– Верно, – подтвердил офицер.

– А почему солдат стоит вверх ногами?

– Он стоит, как и мы с вами, это в трубе изображение получается перевернутое согласно закону оптики. Не изучали еще?

– Немного слышал, а где эти законы применяются, не ведаю, – смутившись, ответил Андрей.

– Ничего страшного, еще молоды. Учиться, наверное, собираетесь?

– Собираюсь, но как и где – мне трудно решить.

– Было бы желание, а остальное все приложится, – сказал капитан, как бы завершая разговор.

– Вы, пожалуйста, простите меня, господин офицер, – спохватившись, отошел от столика Андрей, – оторвал вас от работы.

– Ничего страшного, я с удовольствием удовлетворяю любознательность, вижу всегда пользу в этом, да к тому же передохнул, так что теперь снова за дело примусь. А скажите, как вас зовут? – обратился капитан к Андрею. – Надеюсь, что еще встретимся?

– Если вы позволите, то я бы непременно хотел больше узнать у вас о вашей работе. А зовут меня Андреем. Андрей Пастухов.

– Вот и хорошо, теперь знакомы, – сказал капитан, протягивая руку, которую Андрей благодарно и крепко пожал. – А меня зовут Иваном Максимовичем. Наверное, знаете, где я квартирую. Вечером когда-нибудь и заходите, поговорим.

Довольный столь радушным вниманием со стороны офицера, раскрасневшийся, под завистливые взгляды мальчишек, Андрей пошел домой. По дороге он спохватился, что забыл поблагодарить офицера.

Хотелось на другой же день пойти к офицеру, но чувство неловкости за причиняемое беспокойство удерживало Андрея несмотря на большое желание узнать больше о работе капитана.

Через несколько дней Андрей решил зайти к топографу по дороге домой.

– Здравствуйте! – неестественно громко поздоровался он, стоя у калитки, через плетень увидев в саду Ивана Максимовича. Сидя на низкой скамеечке под густой листвой вишен, он что-то записывал в разложенную на коленях тетрадь.

– А, это вы, Андрей? Заходите, гостем будете, тем более что мои орлы, правда, не летающие, скоро ужином попотчуют, – добродушно отозвался капитан.

В глубине двора солдаты готовили пищу в летней времянке из старых кирпичей. Некоторые сидели на завалинке у хаты и занимались нехитрыми солдатскими делами; когда есть свободная минутка, так и на свои личные нужды она пригодится. Они встретили Андрея как старого знакомого.

– Я вам не помешаю? – спросил Андрей, прикрывая калитку и направляясь к Ивану Максимовичу.

– Нет-нет, проходи сюда да садись на скамеечку, рядышком со мной, – сказал он, освобождая место от разложенных бумаг и, улыбаясь, спросил: – Не обидитесь на меня, старика, если буду на ты с вами, господин писарь?

– Что вы, Иван Максимович?! – зардевшись, ответил Андрей, больше оттого, что тот, как Андрею показалось, без намерения обидеть его, все же попрекает писарским занятием, мол, нашел чем заниматься. – Вы мне в отцы годитесь, и я почту это за доверие ко мне.

– Вот и договорились, – весело резюмировал капитан и продолжал, как бы угадав мысли Андрея или, наверное, уловив его смущение: – А что касается того, что я тебя писарем величаю, так это потому, что недавно, конечно случайно, мельком, пришлось видеть одну тобой исполненную начисто бумагу. Похвально! Почерк хороший.

Говорил, Иван Максимович просто, без пристрастия, добродушно присматривался к сидящему рядом с ним крепкому юноше, не по летам серьезному, с открытым взглядом карих внимательных глаз, с шапкой мелко вьющихся волос над высоким, крутым лбом. «Паренек умный, не шалопай какой-нибудь», – думал про себя он.

– Как в писари попал и давно ли служишь? – спросил капитан.

Андрей, смущаясь, долго рассказывал Ивану Максимовичу о себе. Ему хотелось рассказать коротко, но не получалось, сбивался, повторялся. Никому еще до сих пор он так не доверялся. Если до сегодняшнего разговора с Иваном Максимовичем подобные расспросы Андрей воспринимал как сочувствие, нередко притворное и потому, как он считал, для него оскорбительное, сегодня же он хотел поведать еще малознакомому человеку все, что накопилось у него в душе за годы, прошедшие после смерти матери. Он не мог себе объяснить, почему проникся таким доверием к Ивану Максимовичу с первой встречи, но не сомневался, что встретит с его стороны понимание и, если он сам захочет, помощь.

Иван Максимович не перебивал Андрея. Он сразу понял, что пареньку хочется высказать больше, чем он предполагал услышать, задавая вопрос, и не пытался показать сочувствие поведенным горестям.

– Молодец ты, Андрюша! – как-то просто сказал Иван Максимович, когда понял, что тот сказал все, что хотел. Про себя он отметил, что юноша ему доверился, и, глядя тому в глаза, продолжал: – Я не цыганка и гадать не могу, а надеюсь, что ты добьешься, чего захочешь.

С этого памятного вечера и началась дружба юноши из степного поселка и умудренного жизнью капитана, военного топографа Ивана Максимовича Сидорова.

Иван Максимович родился в 1836 году в небогатой семье. Военную службу начал вольноопределяющимся, когда ему было шестнадцать лет. Учиться Ивану пришлось большей частью

самостоятельно, и только в двадцать шесть лет посчастливилось сдать экзамены, получить чин прапорщика и стать офицером Корпуса военных топографов.

Ведя топографические работы, он исколесил немало дорог Средней России, прибалтийских губерний, Новгородчины, Полесья и Украины. За отличную работу ему давали очередные звания, в 1874 году – капитана.

– В этом году, как видишь сам, судьба занесла меня в ваш Деркул, занимаюсь рекогносцировкой карт. Так называется обновление или исправление старых топографических карт, снятых давно и менее точно, чем это от них требуется. Работаю с учетом возможностей новых методов и способов съемок и, конечно, приборов, с помощью которых ведутся съемки, – закончил Иван Максимович очередной разговор.

– Много же вам пришлось путешествовать! Все-таки интересное дело у топографов! Разъезжай по всей России, кругом все новое, интересное каждый год, – мечтательно заключил Андрей. Он вспомнил день, когда увидел капитана в парадном мундире и с орденами и медалями: – А за это еще и ордена дают.

– Эх, юноша, юноша! – не без огорчения выслушав Андрея, сказал Иван Максимович. – Я надеялся на большее понимание всего того, о чем мы так много беседовали. Пойми и запомни, что топографические работы – это большой повседневный труд, порой в самых невероятных условиях, это не в канцелярии круглый год бумаги переписывать.

– Простите меня! – растерянно, с виноватым видом тихо сказал Андрей. – Я не подумал, что вы примете так болезненно мои мечты, а ведь они у меня связаны пока ни с чем другим, как с желанием путешествовать. Но это пройдет. Я понимаю, что придется много и упорно работать, если мне когда-нибудь посчастливится стать военным топографом.

– Ну ладно, ладно, не переживай, – примирительно, с улыбкой потрепал Иван Максимович шевелюру Андрея. – Какой же топограф не путешественник?!

Скоро Андрей знал названия всех приборов и принадлежностей, нужных для производства топографической съемки. Понял назначение планшета и мензулы. Если получал разрешение, то производил установку инструмента над определенной точкой в поле. Он долго не мог привыкнуть к тому, что называется у топографов полем: идут в степь, а говорят «пошли в поле».

– Иван Максимович! – как-то в конце лета обратился Андрей. – Как вы думаете, мог бы я стать военным топографом?

– А почему военным? – ответив вопросом на вопрос, капитан внимательно взглянул на Андрея, оторвавшись от планшета. – Можно стать не только военным, но и гражданским топографом.

– Если бы я мог стать топографом, то только военным, – с убеждением ответил Андрей. – Мне нравится порядок у военных. Дисциплина мне не страшна. И форма человека как-то подтягивает и заставляет других уважать тех, кто ее носит, кому она доверена.

– Если бы я тебя, Андрюша, не знал, то подумал бы, что тебя прельщает офицерский мундир. Но нет, этого сказать не могу, а потому скажу: захочешь по-настоящему быть военным топографом – будешь, у тебя есть все данные, чтобы им стать. Дело за малым, учиться надо. Не буду хвастаться, но я много мытарств перенес, чтобы стать военным топографом, и не только в том, что самостоятельно пришлось приобретать нужные знания, но и в том, что еще не изжиты другие рогатки на пути к офицерским чинам для таких вот, как мы с тобой. Когда был учрежден Корпус военных топографов, то предусматривалось, что чины его должны быть выходцами из дворян, из офицерских семей. Но служба топографическая мало пригодна для разных щеголей и гуляк, не нуждающихся в средствах для существования, их больше прельщали гвардия, кавалергарды, которым, к слову, вы коней выращиваете, и другие почетные воинские службы, а в топографы-то дворяне редко шли.

Позже начали принимать в училище, что готовит офицеров топографов, кандидатов из других сословий, кантонистов, пока не упразднили соответствующие заведения. Если раньше офицерский чин присваивался только после окончания Военно-топографического училища, то теперь, как и по мне видишь, есть пути и другие, так что можешь иметь в виду и это.

Одним словом, – как-то тяжело вздохнув, закончил капитан, – захочешь – дерзай, надежды не теряй! Чем я смогу, тем тебе помогу.

* * *

– Я подумал и считаю, что тебе нужно окончить гимназию, а потом пытаться поступить в училище, – сказал Иван Максимович, когда Андрей снова пришел к нему.

– Вы же знаете, что незачем мне учиться в гимназии.

– Вывод резонный, но не окончательный. Догадываешься?

– Нужно самостоятельно подготовиться и сдать экзамены.

– Поражаюсь твоей догадливости, – смеясь, сказал Иван Максимович. – Я уже сделал запрос одному из своих друзей в Петербурге и попросил выслать программу для военных гимназий и необходимые учебники, но главное за тобой самим. Договорились?

– Договорились, дорогой Иван Максимович. Большое вам спасибо! – растроганно сказал Андрей и как-то неловко, не зная, как выразить тепло своих чувств к ставшему дорогим человеку, обнял его.

– Надеюсь, что будет так, как ты хочешь, а мои помыслы будут с тобой. Придешь в следующий раз, я тебе расскажу об одном интересном человеке, упорный труд которого, ну и, конечно, талант вывели его в ряд выдающихся людей России, – сказал на прощание уходящему домой Андрею Иван Максимович.

Андрей не заставил себя ждать. Его интересовала работа топографов, и он не хотел терять возможности узнать о них как можно больше, а Иван Максимович поговаривал, что скоро должен завершить свой полевой сезон.

– Сделаем так, – сказал Иван Максимович, – я буду чертить и с тобой разговаривать, это я могу. А ты сиди и слушай.

– Я мешать не буду, но прошу, если, конечно, можно, сказать, что вы пишете в своей толстой тетради.

– Эта тетрадь называется журналом, и я записываю в нем не только величины углов, расстояний, превышений, о которых ты имеешь представление, но и ход своей работы. Кроме того, в журнале топографы записывают сведения о местности, на которой ведут съемку.

Топографическая карта не содержит всех сведений о грунтах, о лесах, о водах, их в чертеже не показать. Возьмем несколько примеров: какова твердость грунта? можно ли пить воду? густой ли лес и проходимы ли дороги? какая трава растет? богато ли живут жители? Как видишь, множество вопросов может возникнуть у того, кто будет пользоваться моей картой, но ответа на них из нее не почерпнуть. Ответ позарез нужен, и не для путешественников, как ты можешь подумать, – улыбнувшись, продолжал капитан, – а для военных, особенно когда они учатся воевать, и тем более когда готовят и проводят батальи с противником. Еще в древние времена воюющие стороны старались как можно больше узнать друг о друге и о характере местности, где предполагалось сражение. Для этого посылали в стан врага лазутчиков в целях сбора сведений и составления чертежей дорог, рек, поселений. Теперь без подобных сведений войн не ведут, стараются их подготовить заранее, узнать о территории как своего государства, так и других, особенно недружественных. Используются карты и для нужд хозяйствования, науки, в строительстве, там тоже бывают нужны сведения, о которых ты спрашиваешь. Не много ли я тебе сегодня наговорил? – спросил Иван Максимович, оторвавшись от планшета и взглянув на Андрея.

– Что вы! Это для меня целая наука и совсем новая. Где бы еще я мог такое узнать?

– Так вот тебе еще немножко истории, – продолжал рассказчик. – Родоначальниками военных топографов были так называемые колонновожатые. Обычно это были офицеры, которых готовили в военных академиях. Со временем потребность в них росла, и в начале этого века была открыта специальная школа колонновожатых, которые должны были уметь собирать и готовить для командиров чертежи и сведения, о которых я говорил, и водить колонны войск в нужных направлениях и днем и ночью. Представь себе, что делать это приходится в любую погоду, да еще и в незнакомой местности. Позже было образовано специальное заведение – Депо, которое ведало необходимыми для армии сведениями, всеми работами по подготовке чертежей, которые стали называться картами. В 1822 году Депо преобразовали в Корпус военных топографов. Специальное Военно-топографическое училище готовило для него офицеров. Вот видишь, рассказываю коротко, а делалось это много-много лет, и занималось организацией нашей службы много людей, причем очень умных. Об одном из них я и собирался тебе рассказать.

Должен сказать, что топографическая съемка, что я веду, – это середина работ по изготовлению топографической карты. Ты видел в степи каменные или деревянные столбы, а над ними вышки понастроены. Это точки, или, как мы называем, тригонометрические пункты, полученные путем триангуляции. Могут быть пункты астрономические, полученные путем наблюдений за звездами. Об их положении на земле есть цифровые данные. Пункты служат основой для начала работ по ведению топографических съемок. Поэтому у нас так различают и называют триангуляционные работы высшей геодезией, а съемку – низшей.

Одним из тех, кто создавал у нас в России триангуляцию и основу для составления карт, был Карл Иванович Теннер. Родился он в бедной семье деревенского старосты под Нарвой, где Петр Великий со шведами воевал когда-то. До двенадцати лет, как многие из тебе подобных, жил без надежд увидеть что-нибудь дальше околицы своей деревни, так как его отец не имел возможности платить за обучение. Однажды в имение графа Мантейфеля, которому принадлежала и их деревня, прибыли два землеустроителя, чтобы составить план землепользования. Землеустроители, или как еще их называют, межевые инженеры, как и топографы, занимаются съемками планов, но они на них показывают земельные угодья, как эти угодья используются и в границах каких имений, сел и деревень. Так вот этот Карл в возрасте еще меньше, чем ты, с любопытством, о котором не мне тебе говорить, увязался за землемерами, и те приметили паренька, стали ему показывать, что они делают. Он помогал им, цепь таскал и выполнял другие работы. Раньше и мы – до недавнего прошлого – расстояния измеряли цепями, еще не было кипрегеля с дальномерными нитями и реек. Обратив внимание на сообразительность и старательность мальчугана, землемеры начали учить его азам грамоты, рисованию и даже черчению. К концу лета Карл показывал такие успехи, что его решили представить графу. Удивленный граф взял Карла в свой дом, и там с ним начали серьезно заниматься всеми науками, а также рисованием и черчением. Граф хотел сделать из него помощника в делах и путешествиях, которые он совершал. Когда Карлу исполнилось восемнадцать лет, после путешествия в Сибирь и Среднюю Азию он вычертил карту этих путешествий, да так искусно, что когда ее увидел друг графа, другой граф – Сухтелен, бывший в то время генерал-квартирмейстером российской армии, то зачислил Теннера в свое ведомство. Так началась военная служба и самостоятельное образование в области наук, главным образом в геодезии. В 1805 году Теннер, прикомандированный к посольству, направлявшемуся в Китай, вел геодезические и топографические работы. В последующие годы и в Отечественную войну 1812 года служил при Главном штабе русской армии, участвовал в боях и дошел с ней до Парижа.

После войны начал заниматься триангуляцией под Петербургом и по всей западной окраине России. Совместно с известным геодезистом и астрономом Струве они проложили триан-

гуляционный ряд от Петербурга до Черного моря. Данные их измерения были использованы учеными для определения размеров Земли.

Карл Иванович дослужился до чина полного генерала, был назначен сенатором, получил самые высокие награды России и многие иностранные ордена. Умер он в 1860 году на 77-м году жизни, – закончил рассказ Иван Максимович.

Андрей, как замороженный, сидел, ожидая продолжения.

– Что молчишь? – спросил его Иван Максимович, оторвавшись от планшета. – Разве я не все рассказал?

– Вы так много рассказали, что я ума не приложу, как мог человек так много сделать в жизни! – возбужденно сказал Андрей.

– Можешь мне поверить, – с усмешкой сказал Иван Максимович, как будто Андрей мог усомниться в правдивости его рассказа, – мне посчастливилось не только учиться по его учебникам, но и несколько раз видеть его в Петербурге.

– Он, как говорят у нас, наверное, в сорочке родился, – покраснев оттого, что говорит не то, что думает, проговорил Андрей.

– Хочешь сказать, что счастливый, повезло человеку? Согласен, случай помог ему найти себя. Его природный талант не скинешь со счетов, тоже верно, а все же главное, дорогой Андрюша, в его усердии, целеустремленности, которую до встречи с землемерами некому было заметить в захолустной деревеньке. Талант – дело хорошее, как я сказал, но нужно непременно найти ему применение и развивать. Если успехи Карла Ивановича отнести только к удаче, то без труда и талант бы не помог, таких случаев в жизни немало бывает. Но возьми другой пример, с Михайлой Ломоносовым, который великим трудом таланту своему дорогу проложил. Слышал, небось?

– Буду и я надеяться, что встреча с вами – это моя удача, – рассмеялся Андрей, – только вот найти свой талант мне пока не удалось.

– Не всем суждено стать Ломоносовыми, не одними ими земля живет, хотя и без них земля жить не может, – посерьезнев, сказал Иван Максимович, – обрети надежду, подкрепи ее усердием – и успех будет, ты малый смысленый и настойчивый. Дерзай, юноша! Что касается случая, то его из участия исключать нельзя. А предстать он может в виде встречи, и человеком, и прочитанной книгой. Опять же нужно желание им воспользоваться.

Через несколько дней капитан зашел в канцелярию и сказал, чтобы Андрей пришел к нему при первой возможности.

– Все в порядке, юноша, – весело отозвался Иван Максимович на его «здравия желаю, ваше благородие», – получил я намеренно все, что просил.

– Я не знаю, как вас отблагодарить.

– Будем считать так, что в знак благодарности ты добьешься права быть военным топографом и достойно заменишь меня. Мне прислали программу военной прогимназии, нужную литературу и даже совет по нашему с тобой делу, как поступить. Вкратце еще раз разъясню, – начал Иван Максимович, прохаживаясь по комнате, глиняный пол которой был устлан толстым слоем степных трав с вкраплениями последних осенних цветов с терпким запахом увядания. – Самостоятельно готовишься и сдаешь экзамен за курс военной прогимназии. После этого подаешь рапорт в военное ведомство с просьбой зачислить тебя на военную службу вольноопределяющимся.

На военную службу тебе рано или поздно придется идти, так в этом случае ты идешь на нее со смыслом для себя. Будучи зачисленным, ты будешь иметь право на сокращенный срок службы, он короче, чем у прочих рядовых, и сможешь сдать экзамен на офицера запаса. Что в этом варианте важно еще? Ты обретишь право на льготы для поступления в Военно-топографическое училище. Ясно?

– Более чем ясно, – растягивая слова и потирая ладонью лоб, как бы призывая свой разум к предстоящим свершениям, которые мало назвать трудными, ответил Андрей на вопрос Ивана Максимовича.

– Попытка не пытка, как говорят, а учиться тебе все равно нужно. Вот и начинай прямо сегодня! – резюмировал тот.

В скором времени к Ивану Максимовичу приехал его начальник принимать работу по рекогносцировке.

Андрей так привык к Ивану Максимовичу, что провожал его, как своего родного отца. Капитан оставил Андрею свой адрес и просил писать, не стесняясь.

Удивительная штука – время. Оно может так медленно тянуться, что изматывает человека. Андрей понятия не имел об этом зле, у него время несло, как рысак Деркульского конезавода. Переписки по этим рысакам уйма, все дни этим заняты. К его счастью, есть еще длинные осенние вечера с дождями, снегами, когда сидеть дома за учебниками одно удовольствие. Зимой немного хуже. В морозный вечерок, когда падает такой мягкий, белый снежок звездочками, да если это еще и в ночь под Рождество, когда на улице голосистый перезвон во тьме висит, очень-очень трудно усидеть дома за книжкой.

Набежала ватага ребятишек и девочек под окна. Андрей думает: «Делать им нечего, колядовать непременно надо! Все бы ничего, отбилась бы, если бы Анютка с подругами без спроса в хату не ворвалась. Натянули мне на плечи тулупчик, шапку в руки всунули и выволокли на стужу. Хорошо, что еще одеть не забыли, и на том спасибо. А что один против ватаги сделаешь? А что делать весной? Сама жизнь заново рождается, и такое время упустить? Не увидеть? Хоть закрывай, хоть не закрывай окна, а от весны не закроешься ничем, когда она в самом человеке гнездится».

Дни полетели чуть ли не быстрее перелетных птиц, спешащих на север, чтобы не упустить время короткого лета. Андрею тоже никак нельзя упустить время. Не видеть ему лета в этом году, осенью экзамены, а там что-то еще более неизвестное, а потому и страшное.

– Не робей, Андрюша! – напутствовал все тот же неутомимый, совсем постаревший, но еще не утративший присущего оптимизма учитель, когда он пришел к нему с просьбой еще разочек погонять по тригонометрии. – Знания у тебя крепкие, думаю, что еще вместе порадуемся твоим успехам. В добрый путь!

В конце декабря 1877 года Андрей, получив в своей канцелярии выписку по приказу из Главного управления государственного коннозаводства, простился с товарищами и отбыл из Деркула в столицу.

Морозом встретил Санкт-Петербург Андрея. Желающих сдавать экзамены в 3-й Петербургской военной гимназии было много. Гимназия должна была обеспечить претендентов помещениями для проживания и занятий, необходимой учебной литературой.

Мало сказать, что Пастухов, как и все, волновался, идя на первый экзамен. Это не то слово. Стоял вопрос: «Быть или не быть?» И не риторический смысл был в этом известном изречении, а смысл дальнейшей жизни. Волновался он, идя и на второй экзамен, да так и до последнего. Вздыхнул свободно, захватил полную грудь ледяного воздуха, когда вышел из гимназии в день получения аттестата. Только бы радоваться, а тут какая-то опустошенность внутри.

«Завтра снова волнения, нужно нести рапорт в военное ведомство, а как там посмотрят, поди угадай, какой подвох кто-нибудь замыслит».

– Ну-с, господин Пастухов, – посмотрев на Андрея с миной добродетели процедил писарь канцелярии, кривя губы в улыбке, больше похожей на гримасу пренебрежения и протянул ему выписку: – Позволь тебя осчастливить, ознакомить с приказом.

В приказе значилось, что с 28 января 1878 года Андрей Пастухов определяется на военную службу в Корпус военных топографов, с зачислением топографом рядового звания на правах вольноопределяющегося в учебную команду военных топографов.

– Господин губернский секретарь! – Андрей еще при первом посещении канцелярии был поставлен в известность самим писарем о чине, чем было дано понять посетителю, что здесь фамильярности нет места для таких, как он, провинциальных парнишек. – Позвольте узнать, что это за «учебная команда»?

– Учреждена в прошлом году, – не поднимая головы от бумаг, буркнул писарь, – комплектуется ее штат, занятия начались.

После паузы, как будто предстояло сказать что-то очень важное для стоящего перед ним почти сверстника, он изрек, что, согласно статье 25-й «Положения о Корпусе военных топографов», топографам рядового и унтер-офицерского звания, состоящим на действительной службе, не разрешается вступать в брак.

– Спасибо, что самое главное не упустили мне сообщить, – не без иронии сказал Андрей и, поставив на листке свою подпись, что ознакомился, вернул его.

– Все подробности узнаете в комнате, третья дверь направо по коридору, – добавил писарь, дав понять, что больше здесь торчать нечего.

«Я как будто бы не был таким, как этот, откуда такие берутся или могут быть», – размышлял Андрей.

В указанной комнате сидели за письменными столами вдоль стен несколько офицеров, Андрей подошел к сидящему ближе к двери поручику и представился. Поручик открыл папку с бумагами, отыскал нужную и, предложив Андрею сесть на стоящий у стола стул, сказал:

– Все верно – Пастухов Андрей.

Потом, вопросительно утверждая, продолжал перелистывая еще какие-то бумаги, среди которых Андрей заметил свой рапорт:

– Будем учиться? Топографом будем?

– Будем, – в тон офицеру ответил он.

Офицера смутил такой, не по уставу, ответ, но он сдержался от замечания, увидев, что перед ним рядовой, еще в пальтишке, бедно и не по сезону одет. Поручик рассказал, что учебная команда только формируется и еще не полностью укомплектована учащимися, состоит при военно-топографическом отделе Главного штаба, и занятия проходят здесь же, в здании Главного штаба.

– Учиться будешь два года, – продолжал поручик, – учреждается два класса, младший и старший. Обмундированием и питанием обеспечивает военное ведомство, так что только учись, забот никаких.

– Скажите, какие дисциплины будут изучаться? – осмелился спросить Андрей, видя, что поручик проявляет к нему внимание, рассказывая о команде.

– А позвольте мне спросить вас, – нарочито официально, но улыбаясь, сказал поручик, – кем вы собирались быть, подавая рапорт о зачислении в Корпус военных топографов?

– Военным топографом, конечно, – ответил, смутившись, Андрей.

– Вот тому и будут учить, чтобы сделать из таких, как вы, военных топографов. А кстати, откуда у вас, в степной глуши, среди полудиких коней, возникла мысль о малоизвестной специальности? – пытливо глядя на Андрея, продолжал офицер.

– В нашем поселке, – с удовольствием начал Андрей, желая рассказать о том, кто ему помог в этом, – в 1876 году работал военный топограф капитан Иван Максимович Сидоров...

– Так это же мой сослуживец по петербургской съемке! Давненько я не встречался с ним, – сразу отозвался офицер, сидевший за соседним столом и как будто не обращавший внимания на происходивший рядом разговор, пока не услышал знакомого имени. Отложив в сторону бумаги, он обратился к Андрею: – Каков он был там?

– Был здоров. Меня знакомил с работой военных топографов. Когда мы с ним познакомились, рассказал, как можно стать военным топографом и помог советами, литературой.

– Узнаю Ивана, все такой же оптимист. Молодец, – удовлетворенно, обращаясь ко всем, сказал офицер и добавил, повернувшись в сторону Андрея. – Значит, он теперь будет для вас как бы крестным отцом.

– Я уважаю его и не забуду. Очень хотелось бы еще встретиться с ним, но не знаю, где он.

– В Петербурге его нет, это точно. Если услышу о нем, то вам, юноша, передам о том.

– Спасибо, – стараясь сдержать волнение от нахлынувших воспоминаний, сказал Андрей.

Поручик, уловив волнение Андрея, не стал больше задерживать его и, рассказав, когда и куда ему надлежит прибыть, отпустил.

Теперь Андрей мог вздохнуть свободнее: «Одна забота – учиться, а я к этому только и стремился. Так на что еще сетовать? Трудно? А когда мне было легко в жизни?»

Он писал Наде и Ксюше, делился с ними своими мыслями, и они знали, что Андрей доволен своими делами, и были рады за него.

С каждым днем учебы в команде Андрей все больше приобщался к еще недавно незнакомой науке. Ни разу у него не возникло сомнений в правильности выбранной профессии, и он старался постигнуть ее со всем своим прилежанием.

Само местопребывание команды в здании, которое вызывало в нем трепет и преклонение. То, что он теперь каждый день обозревал символы государственной власти России, настраивало на значимость тех дел, к которым его готовили.

Заведующий командой, штаб-офицер и обучающие офицеры были опытными военными топографами, хорошо знали свое дело, а главное, любили его и прививали эту любовь своим воспитанникам.

Военных геодезистов и топографов готовили и геодезическое отделение Николаевской академии, и Военно-топографическое училище, но все же их не хватало для выполнения работ, поскольку росли потребности в топографических картах. Потому-то и было решено учредить учебную команду, чтобы пополнять Корпус военных топографов исполнителями топографических съемок унтер-офицерского и рядового звания.

К весне в команде обучалось 38 учеников первого набора. Учили арифметику, алгебру, тригонометрию в пределах, необходимых для решения специальных задач в поле, а также низшую геодезию, то есть топографию. Много внимания обращалось на черчение, каллиграфию. Для практических съемок с выездом в поле отводились летние месяцы.

– Андрейка! – спрашивает сосед по койке Антипка Поливанов, когда, поднятые командой, бежали на гимнастику утром. – Какие сегодня уроки?

– Что, запамятовал или не помнил? – беззлобно отозвался Андрей. – Запоминай на ходу: два урока чистописания, два – топочерчения, два – алгебры, еще два – топографии. Да не забудь, что после обеда два часа маршировки, да...

– О! Хватит, ты меня одним перечислением уроков убиваешь, – взмолился Антипка, закрывая на бегу уши.

– Нет, ты слушай дальше, коли напросился, – смеется Андрей, пытаясь оторвать его руки от ушей, – запомни, что самоподготовки три часа, чтобы спалось тебе крепче.

Так изо дня в день. В воскресенье с утра извольте к обедне и, если нет хвостов по каллиграфии и черчению, то можно немного побродить по городу, есть такая привилегия.

К весне стали больше заниматься во дворе – практическое знакомство с топографическими инструментами и приемами работы с ними. Всех оживляло предстоящее знакомство с полевыми топографическими съемками, когда можно будет проверить себя, выйдет ли из тебя топограф. Это первая практика выявит.

Андрею не терпелось. Все остальные тоже ждали выезда, но он считал, что ему больше всех хочется вырваться на простор, пусть это не свой, родной простор степей, но все равно подальше от городской суеты, от душных классов.

Скоро выехали одним эшелонам с Военно-топографическим училищем в уездный городок Боровичи, откуда группами по 5–6 человек, с офицерами во главе, разместились по деревенькам.

Группа, в которой был Андрей, квартировала в большом селе Егла, что длинной лентой растянулось на высоком левом берегу реки Мсты.

Программой практики предусматривались топографические съемки: в масштабе 50 сажен в дюйме (1:4200) сечением рельефа через одну сажень на площади в одну квадратную версту и в масштабе 250 сажен в дюйме (1:21 000) при сечении рельефа через две сажени на площади в 50 квадратных верст.

Сразу по приезде в помощники топографам были наняты деревенские мальчишки, которые за небольшую плату помогали переносить инструменты, бегали с рейками.

Андрею понравилась новгородская земля, о которой он знал до этого из истории. Не было бесконечной широты северско-донецких степей, но обширные поля, всхолмленные, обрамленные перелесками, были более живописны и радовали глаз. Карта, которая постепенно, день за днем, все более четко вырисовывалась на планшете и отражала то, что охватывал Андрей взором, воодушевляла его, он познавал себя.

– Рядовой Пастухов! Предъявите их высокоблагородию планшет на предмет проверки, – приказал Пастухову обучающий поручик-топограф, после того как доложил вошедшему в комнату незнакомому полковнику, кто есть и чем занимается.

Полковник Коверский – а это был он, начальник геодезического отделения военно-топографического отдела Главного штаба, – бегло просмотрев план, спросил:

– Сколько времени затратили на съемку этого участка?

– Три недели! Ваше высокоблагородие, – ответил Андрей.

– Похвально! Для первой съемки похвально, – повторил полковник, – и читается план хорошо, и значительна площадь съемки по затраченному времени. А теперь посмотрим в поле, сравним с натурой.

Участок приходился на западную окраину села, и, заметив по плану небольшую горку, полковник пожелал начать проверку с нее.

До этого проверку производил поручик и с похвалой отмечал качество съемки у Андрея, но сейчас он волновался вместе с Андреем, потому что хорошо знал требовательность полковника.

Как только Андрей установил мензулу, отnivelировал и примерно ориентировал планшет, полковник взялся сам определять положение точки стояния:

– Покажу новый способ определения положения, – пояснил он, склонившись над планшетом, – практически еще сам им не пользовался.

Дважды определил по разным ориентирам положение точки стояния и, убедившись, что погрешность незначительна, пояснил суть способа и порекомендовал им пользоваться; начал «стрелять» по контурам, совмещая скошенный край линейки кипрегеля с точкой стояния и контуром на планшете и проверяя их взаимное положение взглядом в зрительную трубу и прочерчиванием линии.

– Существенных отклонений не отмечается, – заключил полковник, – для начала неплохо, этим и ограничимся.

Из-за спины полковника поручик жестом руки с поднятым вверх большим пальцем дал понять, что все в порядке.

Возвратившись на базу, полковник «гонял» Пастухова не только по топографии, воинским уставам, но и по математике.

Поручик с удивлением пожимал плечами: «Что это с полковником? Он на сей раз, кажется, сам себя решил в требовательности перещеголять?»

Считая, что Пастухов удовлетворил его своими ответами, полковник, учинив в полевом журнале запись о произведенной проверке, отбыл.

Как позже стало известно, в результате проверок всех учащихся полковник Коверский представил начальнику военно-топографического отдела рапорт, в котором отметил недостаточную подготовку учеников по многим общеобразовательным предметам, а также в черчении и рисовании и предложил расширить программу подготовки в учебной команде. С нового учебного года в расписании занятий появились картография, география и история.

Тяжело доставались удовлетворение и благополучие в учебе. Возвращаясь с «поля», Андрей с трудом стаскивал пропитанное потом обмундирование и тяжелые сапоги и бежал обмыться в Мсту. Вода едва освежала – за долгий день, которому, казалось, не было конца, она прогревалась, распыляемая при скачке через камни порогов. Выходил из воды он пободревшим, думая: «Нет! Очень здорово, что на севере такой длинный день, а то когда бы сделать все успевали?»

Наскоро поужинав, или еще только пообедав, – трудно было сказать, что это было, хотя и вечернее время, – приходилось составлять дневник, заполнять кальку высот и контуров. Он взял себе за правило все, что снято за день на планшете, оформлять во всех других документах согласно инструкции и отклонений не допускал.

Как бы ни хотелось спать, но часок-другой иногда удавалось погулять по деревне, восхищаясь белыми ночами, напоенными запахами луговых трав, замешанными на речном тумане.

А наутро снова бесконечное выскивание рейкой положения тонкой линии, что на планшете извивается змейкой и называется горизонталью.

Самый старший из ребятишек, нанятых на работу, стоит рядом с мензулой и, как ветряк, размахивая то красным, то белым флажком, дает знать тем, что бегают с рейками, о переходе на следующий изгиб контура леса или канавки, как только Андрей командует: «Дальше!»

Когда вышли в поле первый раз, то этот старший спросил:

– Андрей! Зачем это надо тебя зонтом прикрывать, ведь дождя-то нет?

– Вот чудак, – серьезно начал пояснять Андрей, – ты видишь, как солнышко мне в глаза от белой бумаги отражается?! Ослепнуть можно.

– А! Это как зимой на снег долго не насмотришься, когда солнышко яркое, – быстро сообразил Антипка, стоящий рядом.

– Во, какой ты шустрый, – обиженно буркнул старший. – Как будто без тебя не кумекаю, что к чему.

– Все поняли, вот и хорошо, – примирительно сказал Андрей. – А теперь сигнал Ермилке!

Взмах красным флажком – и маленький человечек с длиннющей линейкой-рейкой с бело-красно-черными шашками засеменял по пыльной полевой дороге, отмечая стоянками все ее замысловатые изгибы.

Лето промелькнуло незаметно. Еще недавно, выкроив минутку, Андрей со своими помощниками лакомился ягодами в зарослях маличника или на солнечных полянках с зелено-синим ковром черничника, а теперь зарядил нудный, мелкий, не переставший целыми днями дождь. Порывистый ветер бросает горстями брызги на планшет из-под зонта. Бумага «рубашки» его, до звона натягивающаяся под солнцем, теперь вздувается волнами. Твердый карандаш, крошившийся графитом в солнечные дни, теперь режет ватман планшета, не давая сочной линии контура на нем.

– Андрей! – взмолился маленький Антипка. – Может, хватит на сегодня?

– Ну-ка не ной, – цыкнул на него Ильюшка, как старший над ними и оттого полагающийся, что Андрей знает, что делает: как будто не видит, что тот сам весь мокрый с головы до ног.

Андрею жалко малышей. В своих дырявых одежонках, босые, промокшие до последней ниточки, ребятишки дрожат, стоя под зонтом, тесно прижавшись друг к другу, лязгают зубами. «Как же пошлешь их, бедняг, снова с рейкой в сплошную мокроту листвы и травы».

– Шабаш, ребятня! По домам, – закрывая планшет чехлом, говорит он.

Маленькие помощники с радостью помогают убирать кипрегель, мензулу и, разобрав инструмент, кому что положено нести, вприпрыжку устремляются к деревне.

– Завтра выходим на работу? – спрашивает Ильюшка, обернувшись к Андрею, когда подошли к деревне.

– Если дождь не перестанет и к завтра, то не пойдем.

– Он не перестанет, я знаю, – встревает в разговор Антипка, – бабушка говорила, что если дождь начался с утра, то на три дня он.

– Не мели, Емеля, осенью это не считается, – поясняет Ермилка.

В середине октября учебная команда в полном составе возвратилась в Петербург. Начались экзамены, в результате которых восемь учащихся, не набравшие 7–8 баллов из 12 по экзаменным дисциплинам, были отчислены. Андрей был переведен в старший класс.

С 1 ноября снова учеба, три с половиной часа ежедневно черчение и каллиграфия. Андрею это не тяготит, его успехи отмечает обучающий офицер, а к концу учебного года заведующий командой выделяет Пастухова среди других и представляет к производству в унтер-офицеры.

Приказом по Корпусу военных топографов № 46 от 1 апреля 1879 года Андрей произведен в унтер-офицеры и назначен на службу в топографическую съемку Курляндской губернии.

– Господа! – вскочив на стул, стараясь перекричать гомонящих сослуживцев по команде, гремел басом новоиспеченный унтер Перфильев. – Теперь нам все нипочем, мы военные топографы – и баста!

– Зря шумишь, господин унтер, – стаскивая Перфильева со стула за полу мундира, успокаивает его Андрей, – мы входим в корпус, но будем толпиться у его порога без приглашения за стол.

– Как так? – возмущается его собеседник. – Ты в себя не веришь, Пастухов?

– Сам в себя верить можешь сколько хочешь, а как заставить, чтобы в тебя другие поверили?

– Тебе, Пастухов, грешно так говорить, – пытался разубедить Андрея товарищ, видя его неудовлетворенность, даже на таком торжестве, как эта вечеринка, устроенная по поводу окончания зимней учебы и производства в унтеры, – ты всегда был первым у нас, и тебе ли сомневаться в своем будущем?

– Я считаю, что еще и половины пути не прошел к тому, чтобы считать себя военным топографом, – настаивал на своем Андрей, – так, подмастерье мы все и не больше.

– Ты все же полагаешь поступать в Военно-топографическое училище?

– Непременно, в этом же году, – сказал Андрей, ударив ребром ладони по колену.

Что делать дальше, Андрей представлял себе четко и потому на следующий день подал рапорт заведующему командой с просьбой об оставлении его при команде, чтобы он мог лучше подготовиться к поступлению в училище. Начальник военно-топографического отдела Главного штаба, рассмотрев ходатайство, дал разрешение, и Андрей вместо Курляндии выехал с оставленными в старшем классе учениками команды в Сокольский уезд Гродненской губернии.

На новом месте Андрея поразила бедность, в которой жили люди. Затерянные в лесной глуши деревушки представляли собой сборище самых невероятных строений, порой больше напоминающих временки, чем жилье людей, живущих здесь с давних времен. Теснота, нищета окружающей деревушки еще больше подчеркивались живописной природой: сосно-

выми борами с их могучими, вековыми деревьями. Но они, увы, не принадлежали тем, кто жил рядом с этой красотой.

Жить пришлось в палатках. Питаться консервированными и сушеными продуктами. А вот что для молодого топографа было здесь привлекательно, так это возможность показать свое умение в отображении на карте сложного мелкосопочного рельефа, большей частью покрытого густыми лесами с вкраплениями полянок.

Не до красоты лесов и нив было в этот год Андрею. Нужно было произвести съемку в масштабе сто сажен в дюйме на площади более четырех квадратных верст, полуинструментальную – в масштабе пятьсот сажен в дюйме, глазомерную – в том же масштабе на площади 108 квадратных верст; положить нивелирный ход протяженностью пять верст.

– Молодец, Пастухов, из тебя выйдет топограф, – с удовольствием отметил обучающий офицер, закончив запись в полевом журнале после приемки последней работы Андрея, – и времени выкроил себе порядочно на подготовку к экзаменам. Желаю тебе успехов!

В середине августа Андрей получил разрешение на выезд в Петербург и сдачу экзаменов в училище. Он регулярно посещал все дополнительные консультативные занятия при училище, штудировал теорию математики, перерешал уйму задач и примеров. Товарищи старались почаще составлять ему компанию, как только уловили его познания в науках. Надеясь восполнить пробелы в подготовке, внимательно прислушивались к Андрею, когда он, контролируя себя, вслух проговаривал материал.

Снова волнения, успешная сдача экзаменов, получено 8 необходимых для поступления баллов и... отказ в приеме «из-за отсутствия вакансии». Счастливчики, еще недавно не смевшие и намекнуть Андрею о собственном превосходстве по происхождению, жадно ловившие его разъяснения теорем и доказательств, теперь с видом победителей поздравляли друг друга с поступлением в училище и совсем не замечали недавнего товарища.

Неудача больно ранила Андрея своей несправедливостью. Он был обескуражен, но сдаваться и не думал. «Судьба – судьбой, а полагаться на нее я не собираюсь, судьбой надо распоряжаться самому», – думал Андрей, сидя на скамейке Александровского сада, после возвращения в команду из училища.

Осень. Полевые топографические работы заканчивались, и не было смысла на зиму отправляться в Курляндию, к месту назначения.

– Что будем делать, Пастухов? – спросил Андрея заведующий командой. – Очень сожалею о случившемся, но... увы.

– Ваше благородие, – без робости и тени заискивания, ободренный вниманием подполковника, начал тот, – еще раз позволю просить вашего ходатайства об оставлении меня при команде до весны. Еще раз хочу пройти курс старшего класса, мне это будет полезно.

– Пиши рапорт, с моей стороны не будет препятствий, – немного подумав, кивнул подполковник. – Похвально, что не упускаешь возможности совершенствоваться в науках и практике.

– Я, ваше высокоблагородие, еще не теряю надежды поступить в училище.

4 апреля 1880 года Андрей выехал в Митаву, где базировалось Управление топографической съемки Курляндской губернии.

Только на вторые сутки, к вечеру, добрался он к месту назначения, с трудом разыскав заведение, которое мало кто знал в Митаве.

– О! Пастухов, собственной персоной, – услышал Андрей, как только переступил порог небольшой комнатухи, прежде чем удалось увидеть сидящего в углу за столом человека.

– Он самый, – в тон ему ответил Андрей, сразу узнав товарища по учебной команде Антипа Павловича, и, подойдя к нему, крепко обнял: – Ты чего торчишь здесь, а не в поле?

– Предложили годик писарчуком поработать в канцелярии, вот и сижу здесь, – ответил Антип. – А скоро отпустят на съемку.

– А я, грешным делом, подумал, что ты изменил топографии, – улыбнулся Андрей и, спохватившись, сказал: – Да! Кому сейчас можно доложить о прибытии?

– Скоро вернется начальник канцелярии, коллежский асессор Васильев, а пока расскажи-ка мне о своих делах, – ответил Антип.

– Что мои дела, коли видишь меня здесь? В училище не оказалось для меня места, – с горечью сказал Андрей, – зимой при команде продолжил совершенствование в науках.

– Ничего страшного, ты бесполезно время тратить не умеешь, я тебя знаю, – серьезно сказал Антип, – ты нас...

Не успел Поливанов досказать, как в канцелярию вошел высокий, средних лет чиновник в мундире.

– Ваше благородие! Унтер-офицер Пастухов прибыл для прохождения службы, – доложил Андрей, передавая ему пакет с сургучной печатью, в котором были все его документы.

– Здравствуйте, господин унтер, – пожимая руку Андрея, польщенный воинским обращением, добродушно приветствовал его коллежский асессор, – взгляну на ваши документы и доложу начальнику съемки.

– Проходите к полковнику, – сказал он после того, как, просмотрев документы Пастухова, передал их начальству.

Кабинет начальника съемки оказался такой же маленькой комнаткой, как и первая, обе они составляли канцелярию управления съемки. За небольшим столиком, держа в руках предписание Пастухова, сидел важного вида полковник в вицмундире. Это был полковник Штраус, о котором Андрей слышал раньше, а теперь прибыл в его распоряжение.

– Что-то долго ты сюда добирался, – не то спрашивая, не то утверждая, заметил полковник, выслушав доклад Пастухова о прибытии.

– Ехал без задержек, – быстро ответил Андрей, смутившись суровым видом начальника и явно не уловив в его вопросе ехидства.

– Ну, господин Пастухов, удивлен твоей поспешностью, – выдавил, криво усмехнувшись, Штраус, – целый год добирался из Санкт-Петербурга.

Андрей совсем смутился, чувствуя, что у него от напряжения стала потной спина. Возникло острое желание поскорее выбраться отсюда. Чувство страха незаметно перешло в неприязнь, что было совсем непривычно для его характера.

Начальник съемки распорядился определить Пастухова в первое отделение с непременным исполнением учебной съемки.

Андрей воспользовался приглашением Поливанова остановиться в снимаемой им комнате до выезда в поле, это его вполне устраивало, избавляло от лишних хлопот.

На следующее утро Антип проводил Андрея до базы первого отделения. Снова представление. Начальник отделения, надворный советник, встретил нового топографа более доброжелательно:

– Унывать не будем, – многозначительно заметил он после того, как Андрей рассказал о себе, – согласно «Положению об училище» у вас есть еще возможность поступить, разрешается две попытки, что и следует использовать. А кроме всего, могу поделиться собственным опытом, я тоже училище не кончал, но, как видите, военным топографом стал.

Две недели Андрей с двумя другими только что прибывшими из команды топографами работал на одном планшете под непосредственным руководством начальника отделения. И как только были определены способности каждого из них к самостоятельным работам, им определили объем работ на весь летний период и развезли к местам базирования. Не без робости приступал Андрей к своей первой работе на государственных съемках в качестве военного топографа.

Военные топографы уже много лет вели топографические съемки и рекогносцировки во всех западных губерниях и Царстве Польском в соответствии с требованиями времени.

Весна 1880 года выдалась ранняя. Только перевалило на вторую половину апреля, а южные склоны полей порыжели, источенные нитями талых вод. Пряными запахами сосны и прошлогодней прелой травы тянуло с прогревшихся за день опушек боров и дубрав, раскинувшихся вдоль косогоров. В низинах ивы, стоящие «по пояс» в воде, поднявшейся над еще не растаявшим льдом, блестели золотистыми гирляндами сережек под лучами по-весеннему яркого солнца. Задолго до рассвета начинается здесь жизнь. Ночные шорохи и вздохи прерываются низвергающимися из глубин темного неба голосами «барашков», постепенно нарастают щебет и трели на всех этажах лесов, а завершает симфонию начинающегося утра льющаяся на землю вместе с потоком солнечных лучей песня жаворонка.

Весна – рождение года, а утро – дня. Топографы, как перелетные птицы, с весной разъезжаются по широким просторам родины. Раннее утро – самая желанная для них пора выхода в поле.

В первое утро приобщения к своим мечтаниям Андрей всей грудью вдыхал настоящий аромат весны воздух, голову кружило от мысли от величия дела, коему решил он посвятить свою жизнь.

Андрею предстояло произвести топографическую съемку в масштабе 1:42 000 на площади 100 квадратных верст, для чего ему была придана команда солдат – целых 5 человек, прикомандированных из пехотных полков. Приходилось командовать людьми, которые были старше его по возрасту, обучать их, а на выданные деньги – кормить. Для того чтобы раздобыть продовольствие, надо было ездить по хуторам, тратить много времени. Иногда удавалось кормиться там, где останавливались на ночлег. Большей частью готовили пищу по очереди сами солдаты, а Андрей питался вместе с ними.

Каждый день перед Андреем представляли зеленые дали перелесков, волнами уходивших к горизонту, вкрапления серо-красных нив по вершинам и склонам холмов, чередующихся с котловинами и впадинами и образующих такой хаотический рельеф, что разобраться в нем было очень трудным делом. А каково все это изобразить на планшете, и чтобы было понятно потом, что же на нем изображено не только ему самому, но и тем, для кого карта делалась?

«Тут мало быть топографом, надо быть еще и художником», – думал он.

Мелкоконтурность, сложный, не поддающийся никакой геоморфологии рельеф, россыпь хуторов выматывали за день не только солдат, бесконечно сновавших по спирали вокруг мензулы, но и самого Андрея, к вечеру шалеющего от рези в глазах и не успевающего ни разу присесть за весь, от «солнышка до солнышка», день.

Не раз, глядя на спускающееся за далекую зубчатую гряду леса солнце, Андрей вспоминал раздолье родных степей. Здесь до горизонта так же далеко, как и там, но ничего не видно. Холмы, холмы, но ни их самих, ни с них тоже ничего не видно. Не то он хочет видеть. Нет широты взгляда, каким-то угнетенным чувствуешь себя в этой непроглядной чередке лесов, скованным в потребности воображения своих возможностей и силы.

«Вот Кавказ бы увидеть», – мечтал он.

Мечты – мечтами, а работу надо продолжать. Нередко его навещает начальник отделения, съемкой доволен, для начала, говорит, неплохо, в пример другим молодым топографам ставит, особенно старание Пастухова подчеркивает и добросовестность.

– Как смотришь, Андрей Васильевич, – уважительно спрашивает однажды надворный советник, – не возражаешь, если к тебе направим парочку людей для стажировки? Не идет у них что-то дело. Может быть, скорее ты найдешь ключи к их практическому невосприятию топосферы?

– У меня тоже нет опыта. Что же я могу им показать? – смутившись, сказал Андрей.

– У вас сейчас свеж в памяти опыт приобретения опыта, чего нет у меня, – как-то каламбурно, но точно по сути подметил начальник отделения, – мне трудно представить восприятие

со стороны обучаемого, мне кажется, что все так просто в нашем деле. И как это может быть непонятно другим?

Скоро у Пастухова появились еще два помощника, унтер-офицеры из последнего выпуска учебной команды.

Андрей вспоминал, как повторял учебный материал перед экзаменами, когда излагал перед товарищами, что помнил. Это все равно что читать вслух книгу для себя, ведь в этом случае учишься правильно произносить незнакомые слова, чего, читая про себя, не делаешь.

Теперь Андрей, помогая товарищам освоить топографическую премудрость, повторял: «Не вижу – не рисую», «Ничего не пропусти и не забей планшет ненужным, ибо не тебе, а другим читать карту». В этих простых истинах вся сложность создания хорошей карты.

– Спасибо, господа унтеры, за учебу, – со смущенной улыбкой сказал он, когда провожал товарищей назад.

– Шутить, Пастухов, изволите, – недовольно ответил один из унтеров, на столь вроде бы неуместную шутку для дружного прощания.

– Не шучу, а на самом деле, – посерьезнев, заметил Андрей, – показывая или рассказывая вам, через ваше понимание, контролировал я правильность своих взглядов на практическое применение требований инструкций.

– Ну и практичный ты человек, – смеясь, заключил второй, – даже из нас извлек пользу, что было не так-то просто, мы себя знаем.

К концу полевого сезона на проверку работы Андрея приехал помощник начальника съемки подполковник П. П. Кульберг в сопровождении начальника отделения.

– Наслышан-наслышан, а вот побывать у вас, господин унтер-офицер, за все лето так и не пришлось, – приняв рапорт и протягивая руку, улыбаясь глазами, сказал он. – Теперь держитесь, отыграюсь за свое упущение.

Андрей оторопел не на шутку. Он тоже был наслышан о строгости подполковника. Высокого роста, с крупными чертами казавшегося непроницаемым лица, он производил впечатление самой жесткости, только большие серые и очень внимательные глаза выдавали скрываемое добродушие характера.

– Как хотите, а я устал от поиска пропусков, – под вечер, распрямившись над планшетом, сказал подполковник, – сдаюсь, нет больше сил.

– А вы, господин подполковник, и вправду переусердствовали не в свою пользу, – смеясь, сказал начальник отделения в тон Кульбергу, – не рассчитали силы и потратили их зря, ведь я вам заранее докладывал, с чем встретитесь у Пастухова.

– Нисколько не сожалею о содеянном, в познании обретается истина, – направляясь к базе команды, заключил Кульберг.

В октябре, когда все топографы были в сборе и занимались камеральными работами, из Санкт-Петербурга поступил высочайший рескрипт по итогам топогеодезических работ года, по которому, в числе прочих, унтер-офицеру Андрею Пастухову было пожаловано за усердие 15 рублей. В его положении военного топографа унтер-офицерского звания, при должностном окладе в 180 рублей в год на все житье-бытье и обмундирование, да по 25 копеек «порционных», полевых в летний период, 15 рублей были немалые деньги, но главным стало признание его усилий в топографическом деле.

Митава – небольшой, уютный городок, есть где молодому человеку поразвлечься, тем более что свободного времени вечерами много.

– Сегодня опять дома сидеть будешь? – обращается к сидящему над учебником Андрею Антип, с которым они так и остались вместе жить на зиму.

– Да! Буду сидеть, – нарочно сделав строгое выражение лица и вперив глаза в друга, ответил Андрей, – если я не буду сидеть эту зиму за этим столом, то придется в этой твоей Курляндии сидеть, может статься, всю жизнь.

– А тебе подай: «Кавказ подо мною. Один в вышине», – со смехом продекламировал Антип, возводя руки ввысь.

– Повторяешься, друг, и не надейся, что заведешь меня, – сказал Андрей, отмахнувшись от друга, – иди, иди, а то Бирутку другой унтер перехватит.

Андрей бывал на пирушках, которые посещать за честь почитали многие его коллеги, а потом месяцами не могли рассчитаться с хозяевами за «стол», у него же занимали. Он же деньгами, хотя и небольшими, распорядился серьезно, научился их ценить, всегда предполагал, что завтра они могут быть нужнее, чем сегодня.

«Молодец же Антипка, – подумал Андрей, когда тот, напевая мотив модного романса, нырнул в темноту осенней ночи, – как у него все просто получается, никаких забот, день прошел – и ладно. А у меня все обременено мыслями о последствиях своих действий. Как тяжело порой жить в вечном напряжении. Может, и верно: плюнуть на все, да и пустить на авось, куда вывезет?»

– Баста! – твердо сказал Андрей, стукнув ладонью по столу. – В таком настроении меня может далеко занести, надо бы выйти на люди.

Набросив на плечи дождевик, он только в пути решил, куда пойти, чтобы только не оставаться в такой скучный вечер одному: «К Мануилу, тот тоже, наверное, дома».

Затяжная прибалтийская осень угнетала Андрея. Ни зима, ни лето. Так надоели дожди, а им конца не видно. В чертежной ежедневно одни и те же лица, да и переговорено, кажется, все. Скука.

– Эх и горемыки мы, – со вздохом выдавил Кирхгоф, тяжело поднимаясь с холодной кровати, в которой лежал в том, в чем пришел с улицы, когда вошел Андрей. – Вижу, и ты раскис?

– Не говори, дружище, места не нахожу себе, – подтвердил Андрей, плюхнувшись на одиноко стоящую посередине небольшой, почти пустой комнатки скрипучую табуретку, почерневшую от старости.

– Может быть, жениться? – усмехаясь, продолжал Мануил. – Все какое-то разнообразие бы в жизнь привнесло сие новшество.

– Вот именно новшество, но его само еще нужно внести, – рассмеялся Андрей, – в «Положение» о нашем с тобой положении. Когда отменят параграф двадцать пятый о нашем безбрачии, тогда и женишься.

– Это и я помню, но все же мысли подобные в голову лезут, как и многие, пусть и невероятные иногда, с ними как-то раскрепощаешь свою голову, – мрачно продолжал Мануил.

– Так ты подай в отставку, – совсем не в тон другу подсказал Андрей, – тогда и жениться можешь, да и будешь делать, что твоя душенька пожелает.

– Неуместны твои советы, Андрюшка, – обидчиво сказал Мануил, – сам...

– Знаю. Знаю, прости, – перебил Андрей друга и, вскочив с табуретки, уперся обеими руками в плечи сидящего на краю кровати Мануила, стараясь уловить, не обиделся ли тот на самом деле на его неуклюжую шутку.

Андрей давно знает Кирхгофа и его старенькую мать, всю жизнь выбивающуюся из сил, чтобы вывести сына в люди, в которых ей самой так и не пришлось побывать. Дочь разорившегося и рано умершего еврея, неведомо как оказавшегося в России, была несчастливой в своей личной жизни и теперь коротала свои дни в одиночестве, в небольшой двухкомнатной квартире двухэтажного деревянного домика, затерявшегося в зеленых дебрях Выборгской части. Вспомнив о матери Мануила, Андрей не то чтобы позавидовал другу, что у него есть мать, которая всегда хочет помочь сыну в трудную минуту, но ему стало боязно за себя, не ожесточится ли он без душевной поддержки, столь необходимой в трудной борьбе за выживание в этом суматошном мире.

– Не унывай, дружище, – словно угадав мысли Андрея и стараясь успокоить его, сказал Мануил, снимая его руки, которые тот, уйдя в свои сокровенные мысли, как будто забыл на его плечах.

– Ну нет! Никакого уныния, – оживился Андрей, – давай подумаем, чем займемся, – и непременно бездельем.

Нечасто приходилось вот так расслабиться, но Андрей обрадовался одной этой мысли. Напряжение последних месяцев давало себя чувствовать, он стал раздражителен, что заметили даже товарищи, всегда видевшие в нем спокойного и рассудительного, не по возрасту серьезного, но всегда душевного друга.

«Не принятые в училище по недостатку вакансий могут держать экзамен второй раз (в последующие приемы)», – так сказано в параграфе 13 «Положения об училище».

– Ты понимаешь, что это для меня значит? – вопрошал Андрей потом Кирхгофа.

– Знаю, что для меня это не имеет никакого значения, – отвечал в тон Мануил, – а что касается тебя, то сомневаюсь, чтобы полковник Штраус и тебя благословил на сей подвиг.

– Выход запасной есть, но начнем действовать по всем правилам.

По «правилам» не получилось: полковник не поддержал ходатайство начальника отделения о рекомендации унтер-офицера Пастухова к поступлению в Военно-топографическое училище, полагая, что ему, дворянину, провидением уготован чин блюстителя чистоты Корпуса военных топографов. К этому времени корпус в большинстве своем состоял из классных военных топографов, в том числе офицеров, происходящих из сословий, далеких от дворянства.

– Ну что же, Андрей Васильевич, – встретил вопросом Пастухова начальник отделения, когда стало известно о решении начальника съёмки, – используете на запасной вариант своего стратегического наступления на училище?

– А что же остается делать, господин надворный советник?

– Верно, это и есть то, что надо делать. В добрый путь.

В приказе № 127 от 30 мая 1881 года по Корпусу военных топографов был вписан параграф об увольнении младшего топографа унтер-офицерского звания Андрея Пастухова в запас армии сроком до 23 июля 1890 года. 23 июня, получив подписанный полковником Штраусом отпускной билет № 534, он покинул Митаву.

– Ты горюешь больше меня, – говорил Андрей Мануилу, провожающему его на железнодорожном вокзале, – пойми, что попытка, как говорят, не пытка, а должность и положение младшего классного топографа от меня никуда не денутся, или, вернее, я от него.

25 июня Андрей был снова в столице, теперь уже знакомой. Его радушно приняла матушка Кирхгоф, в ее квартире она нашел приют и почти родительскую заботу, которую она не имела сейчас возможности проявить к своему Мануилу, находившемуся в далекой Курляндии.

Через несколько дней на последней странице его отпускного билета появился штамп: «Означенный въ этом билете Пастухов въ алфавите запасных нижнихъ чиновъ в канцелярии С. – Петербургскаго градоначальника записанъ в книге 1881 года под № 139 июля 3 дня 1881 года.

Заведующий делопроизводствомъ по числению запасныхъ войскъ Кучеров».

«Теперь я свободен, – думалось Андрею, – но от чего свободен? Только лишь от зависимости от полковника Штрауса, да и то не совсем, так что на радости пока не приходится рассчитывать, еще рано говорить гоп».

Но маневр сделан, и... начинать все надо с самого начала. Деньги, что Андрей так бережно копил, теперь составляли его единственный запас для существования. Никакого свободного времени, усиленная подготовка к экзаменам, ведь впереди вторичный прорыв в Корпус военных топографов.

30 июля 1881 года Пастухов появляется в канцелярии военно-топографического отдела Главного штаба.

– Цель вашего посещения? – цедит сквозь зубы писарь, не отрывая глаз от бумаги.

«Кажется, он меня не узнает», – больше с удовольствием, чем с сожалением, отмечает Андрей.

– Явился с рапортом, в котором излагаю просьбу о зачислении меня на службу в корпус, – спокойно отвечает Андрей.

– Сдайте рапорт моему помощнику, – кивнул писарь в сторону сидящего за столом в углу канцелярии пожилого солдата. Кивок головы без отрыва глаз от стола: – А сами изредка навещайте.

Писарю не до мелочей, от которых порой зависит будущая жизнь молодого человека.

«Хорошо, что не все такие вот, как этот чиновник», – подумал Андрей, выходя на залитую ярким солнечным светом Дворцовую площадь и смешиваясь с разноцветной толпой гуляк, глядя на которых можно было подумать: беззаботно живет столица!

Но не эта толпа была олицетворением жизни столицы и России. Это по приезде в Санкт-Петербург Андрей сразу же понял. На следующий же день, как он поселился у матушки Кирхгоф, рано утром явился городской и бесцеремонно осведомился о причине проживания в столице и праве на жительство. Совсем недавно здесь, в столице, был убит самодержец всея Руси, и охранка сбивалась с ног, выискивая крамольников. Кругом царили подозрительность и слежка. Матушка Кирхгоф уже успела предупредить Андрея, что городской не первый раз удостаивает своим посещением ее жилище и как-то проговорился, что ее сын служит в учреждении, в котором был обнаружен государственный преступник Мышкин.

Лето выдалось жаркое. Понежиться бы в тени листвы на какой-нибудь зеленой полянке в рощах Выборгской стороны, да некогда, приходится штудировать который раз одни и те же учебники, для чего нужно каждый день добираться до далекого Васильевского острова.

– Ба! Что за знакомая личность? – воскликнул молодой бородач в огромных очках, спущенных на самый кончик огромного носа, уперев в Андрея серые выпуклые глаза.

– Простите! Я не имею чести знать вас, – ответил Андрей, невольно под нагловатым взглядом бородача попятившись от стойки библиотекаря, с которым только что разговаривал по поводу пользования учебниками университетской библиотеки.

– Тем лучше, что не узнаешь меня, – нисколько не смущаясь, так же бесцеремонно продолжал бородач, как его про себя назвал Андрей, – тем приятнее будет тебе самому, когда узнаешь.

Тоном старого знакомого он спросил библиотекаря:

– По какому это поводу пытал вас сей молодец?

– Молодой человек имеет намерение пользоваться нашей библиотекой, господин Власов, – ответил библиотекарь.

Андрей понял, что сей человек здесь в «своих» значится.

– Володька! Так это ты, нехристь, так обезобразился, – немало удивившись, взволнованно сказал Андрей, обхватив того за плечи.

– Не говори, друг, маскируюсь. Времена, сам знаешь, какие, – понизив голос и отводя товарища от стойки, ответил Власов. – А как ты сюда попал?

Андрей поведал Владимиру, с которым они когда-то вместе зубрили латынь перед сдачей экзаменов в 3-й прогимназии и с тех пор друг о друге ничего не слышали, о своих злоключениях с поступлением в училище. Владимир тоже не без труда поступил в университет и теперь успешно студентствовал.

С библиотекой все было улажено, и Андрей времени не терял, лишь изредка заходя в топографический отдел.

– Господин Пастухов, по вашему делу сделан запрос в Курляндскую съемку, потребовалась характеристика на вас, но от полковника Штрауса пока нет ответа, – получил Андрей ответ от писаря на вопрос о результатах по своему рапорту.

«Снова Штраус, никак не обойти его», – подумал Андрей, выходя из Главного штаба. Приходилось ждать.

Только в начале сентября был издан приказ, удовлетворивший его просьбу. Он был снова зачислен на воинскую службу в Корпус военных топографов с прикомандированием к учебной команде и правом сдачи вступительных экзаменов в Военно-топографическое училище.

«Родным домом стала мне учебная команда», – с усмешкой подумал Андрей, подписываясь на обороте листа с текстом прочитанного ему писарем приказа.

Идя на экзамены, Андрей не волновался, как первый раз, считая, что подготовлен к ним, но червоточина сомнений поселилась в его сознании, он готовил себя к случайностям, которые ни предусмотреть, ни обойти.

– Что с тобой, сынок? – с тревогой в голосе спросила матушка Кирхгоф, когда Андрей вернулся поздно вечером в один из дней после сдачи экзаменов, увидев его совсем не таким, каким он бывал обычно.

– Какой же я невезучий! – тихо проговорил Андрей, пытаясь изобразить на лице, искаженном горем, некое подобие улыбки. – Снова для меня не нашлось вакансии в училище.

– Господи Иисусе! – тихо прошептала старая женщина, закрыв лицо руками. – Чем тебя разгневали дети мои?

Но ответа не было. Она, как могла, утешала в горе ставшего ей родным Андрея, и он был ей очень благодарен. Никто, кроме родной матери, будь она жива, не мог быть так нужен ему в то время, как эта женщина, тоже мать, живущая теперь только заботами и чаяниями своего сына Мануила и... его тоже. Она не плакала, не пыталась словами уговаривать Андрея, успокаивать. Она села с ним рядом, положила свою натруженную ладонь на его руку и долго молча, через соприкосновение освобождала своим материнским теплом его объятый холодом человеческой несправедливости разум.

– Спасибо, мама, – крепко обнимая матушку Кирхгоф, сказал Андрей при прощании с ней, – вы не дали утратить мне веру в людей.

Уже много позже Андрей узнал, что из 14 кандидатов, зачисленных тогда в младший класс училища, в 1888 году было выпущено в Корпус военных топографов только 6 человек.

Оставался один, последний вариант, при использовании которого Андрей мог стать военным топографом. Он подает начальнику Корпуса военных топографов рапорт с просьбой направить его для прохождения службы в Кавказский топографический отдел, считая, что при любом исходе дела на Кавказ он попасть непременно должен. Согласно статье 13-й «Положения о Корпусе военных топографов» от 26 февраля 1877 года, Андрей имел полное основание для этого.

Статья гласила: «Производство топографов унтер-офицерского звания в классные топографы допускается не иначе, как на вакансии при условии: прослужив в нижнем звании не менее трех лет, произвести съемки – не менее 100 верст квадратных, представить аттестацию в отличном поведении и знании съемки и черчения и выдержать экзамен в одном из юнкерских училищ по программе, установленной для поступления в военную службу вольноопределяющимся 3-го разряда <...> а также из дисциплинарного устава, делопроизводства и счетоводства, установлении – на государственных съемках и из низшей геодезии – в мензульной, межевой и глазомерной съемке, нивелировке и изображении неровностей, местоположения. По исполнении сих условий они награждаются чинами XIV класса».

Зная также из «Положения», что и производство в классные военные топографы зависит от наличия вакансий в Корпусе, Пастухов все же надеялся на свое терпение выждать таковую, тем более что, сдав экзамены и будучи зачислен кандидатом, он мог получить к содержанию унтер-офицера еще 60 рублей в год, на которые можно будет существовать.

Каким бы его положение ни было, но оно определилось, и необходимость в новых решительных действиях потребовала от него собранности и спокойствия.

При докладе секретарь военно-топографического отдела Главного штаба обратил внимание начальника отдела на рапорт унтер-офицера Пастухова и коротко доложил об обстоятельствах дела. Генерал Э. И. Форш распорядился об удовлетворении просьбы и просил в случае необходимости напомнить ему о нем.

Лежа на жесткой полке вагона, Андрей теперь мог долгие дни и ночи обдумывать свое положение. Бездействие не угнетало его, а было необходимой передышкой в борьбе за определение своего места в жизни, от которой он, признаться, здорово устал.

Отрадно, что скоро он увидит Кавказ, но не в таком положении Андрей мечтал встречаться с ним, отчего настроение было не из лучших.

«Уснуть бы так крепко, чтобы проснуться во Владикавказе», – думал он, но сна не было, и ночами, пытаясь отдохнуть от дум, он до боли в глазах всматривался в густую осеннюю темноту ночи, пытаясь угадать проносящийся мимо пейзаж, но без какого-либо желания быть там сейчас.

Андрей немного оживился, когда прямо из ночи поезд вырвался на равнины родной Харьковщины. Ему так захотелось домой, посмотреть на родных, встретиться с друзьями детства, снова побродить по столь дорогим местам тех лет. От нахлынувших воспоминаний плотный комок подступал к горлу, слезы застилали глаза, и он не пытался их вытирать, они ему сейчас были нужны, он только прикрылся полкой шинели и так долго лежал с мыслями о Деркуле, отрешившись от всего, что было вокруг него.

Ранним утром 8 октября 1881 года Андрей впервые увидел горы. За невысоким серо-коричневым увалом в сизой дымке просматривались очертания отдельных вершин. Это было Пятигорье.

Вспомнились стихи Лермонтова, захотелось посмотреть на воспетые поэтом красоты этих мест, но ни возможности, ни настроения для встречи с любимым поэтом не было, Андрей мечтал предстать перед Лермонтовым чистым до глубин своей души. Он надеялся, что такое время еще настанет.

С таким же чувством, как-то стыдливо, миновал он легендарные Владикавказ и ущелье Терека, и в скором времени колымага, на которой он ехал из Владикавказа, уже громыхала по узким улочкам старого Тифлиса.

Начальник военно-топографического отдела штаба Кавказского военного округа генерал Стебницкий соизволил лично принять вновь прибывшего унтер-офицера, он считал необходимым узнать о человеке не из бумаг, а из бесед с глазу на глаз, такой был у него принцип.

– Как добрались и как устроились? – сразу же спросил Иероним Иванович Пастухова, как только тот доложил о прибытии для прохождения службы.

До сих пор Андрею еще ни разу не приходилось вот так, лично беседовать с генералами, он считал, что они не могут снизойти до такого простого разговора с каким-то унтером. Поэтому от волнения он не сразу уловил суть вопроса Стебницкого и несколько замешкался с ответом.

– Доехал хорошо, ваше превосходительство, – наконец ответил он, несколько осмелев от того, что генерал, поняв его смущение, выждал, когда он обретет нужное спокойствие и проникнется доверием к своему новому начальнику.

– А ехали к нам в захолустье из столицы с охотой или без оной? – продолжал разговор Иероним Иванович и предложил, указав глазами на стул, стоящий у стола: – Да вы садитесь!

– Ваше превосходительство, – глядя в чуть прищуренные глаза генерала, ответил Пастухов, – не сочтите за лесть, но как только познал чтение и вычитал все возможное о Кавказе, счел необходимым здесь побывать.

– Вот это похвально, – с удовольствием отметил Стебницкий, легонько коснулся пальцами правой руки своих пышных усов и, усмехнувшись, в упор, как бы только заметив, взглянул на не менее пышные усы унтер-офицера, так красиво оттеняющие молодое румяное лицо,

и продолжал: – Но когда сами увидите Кавказ во всей его красоте, тогда считайте, что будете настоящим «пленником» его.

– По своей воле пленение даже заманчиво, ваше превосходительство, – поддавшись тону генерала, улыбнувшись, сказал Андрей.

– В таком случае мы с вами, молодой человек, простите старика за фамильярность, душами родственны и взаимопониманием обеспечены. А теперь расскажите, и подробнее, о себе.

Андрей сухо поведал Иерониму Ивановичу о своей жизни, все более проникаясь доверием к человеку, которого только что встретил. Генерал слушал, не перебивая, и только изредка покачивал головой, отмечая про себя те или иные события, о которых рассказывал Пастухов.

– Рад вашей выдержке и терпению, и последовательности в достижении цели, – начал генерал, выслушав Андрея. – А что касается дальнейших действий, то мы с вами объединим усилия и, надеюсь, доведем их до нужного результата, поручая тому ваше желание. В нашем отделе более половины съемщиков – классные топографы, и это не менее прекрасные исполнители, чем офицеры, пришедшие из училища, так что не унывайте, Кавказ ждет вас. Сейчас зайдите к моему помощнику, полковнику Кульбергу, который поможет вам установить отношения с Тифлисским юнкерским училищем, – вставая из-за стола и протягивая Андрею руку, закончил генерал беседу.

Когда Андрей зашел в чертежную, то она почти пустовала, топографы еще не возвратились с полевых работ, и только за одним столом сидел, склонившись над планшетом, молодой топограф с высоким, как говорят, умным лбом, подпираемым четкими линиями густых бровей, под которыми глубоко сидели глаза с прищуром. Усы и небольшая бородка окаймляли снизу немного вытянутое лицо, придавая ему оттенок солидности.

– Проходи, унтер! – сказал сидящий. – Видать, новенький?

– Угадали. Новенький, – в тон ответил Андрей и представился: – Пастухов Андрей.

– Поздравляю с прибытием! Меня зовут Михаилом. Михаил Голомбиевский, – повторил собеседник, вставая из-за стола и пожимая протянутую руку Пастухова.

– Прибыл на помощь. Не откажете в приюте? – улыбаясь, спросил Андрей.

– Не переживай, коллега, – переходя на «ты», приняв сразу вновь прибывшего в товарищи, ответил Михаил, – на Кавказе работы всем хватит. А что касается приюта, так если не устроен, то и это мигом организуем.

Андрею с первого дня понравилась та обстановка, в которой он оказался, ее размеренный и спокойный ритм и доброжелательность людей. Даже маленькая комнатка в низком домике с плоской крышей удивила неожиданным уютом, созданным заботливостью старой хозяйки-грузинки.

Через несколько дней Пастухова вызвал к себе полковник Кульберг и, разъяснив порядок сдачи экзаменов, приказал получить в канцелярии предписание. Встретились они как старые знакомые.

11 ноября положенные экзамены были Андреем успешно сданы, и аттестат в запечатанном сургучными печатями пакете был им же доставлен в канцелярию отдела.

– Чему, Пастухов, радуешься? – шутливо спросил Михаил, встретив Андрея в канцелярии.

– Так я же только что юнкерское училище окончил.

– Это я по твоему лицу вижу, – не унимался Голомбиевский, – но хочу сказать, что это еще не главное.

– Не понимаю, что ты еще мне уготовить думаешь?

– Не я, а уважаемый Иероним Иванович тебе еще один экзамен готовит, не хуже юнкерского.

В соответствии с «Положением о прохождении службы» Андрею предстояло сдать экзамены по специальным предметам, для чего генерал Стебницкий назначил комиссию, в которую вошли полковник Кульберг, капитан Гладышев и штабс-капитан Чаплинский.

Пришлось снова, который раз, сдавать геодезию, топографию, черчение и все остальное, что составляет основу теоретических познаний топографов.

– Ух! – вздохнул всей грудью Андрей, прибежав в чертежную, где застал Голомбиевского. – Кажется, пронесло и на этот раз.

– Поздравляю! А теперь набирайся терпения и жди, жди, пока Санкт-Петербург «разродится» вакансией.

– Меня уже трудно чем-либо удивить, и ждать научился, подождем еще, наверное, меньше осталось ждать, чем миновало ожиданий, – махнув рукой с досадой, ответил Андрей, шлепнувшись на стул.

– Не досадуй! Кто из нас, классных, не выжидал? Такая участь.

– Одно утешает, что я уже на Кавказе и ждать веселее. Уже у дел.

Возвратились с полевых работ все топографы, в чертежных стало шумно, бесконечные разговоры о разных происшествиях, похождениях. С чем только не приходится топографам встречаться в столь разнообразных условиях, как на Кавказе и в Закавказье?! Для Андрея все это было новым и интересным и хотелось скорее самому в дебри этого края.

Скоро снова все опустело, топографы ушли в отпуска. Только после Рождества вновь забила ключом жизнь в съемочных отделениях, личный состав возвращался в чертежные.

Андрей знакомился все с новыми и новыми коллегами, его принимали как равного и делились с ним охотно своими впечатлениями и опытом жизни среди условий, еще не знакомых ему и подчас чреватых всякими неожиданностями.

А сколько было впечатлений от знакомства со старым Тифлисом, с его историей и жителями, добродушными, непосредственными в отношениях!

Весной 1882 года из Санкт-Петербурга пришло уведомление, что, «...согласно статье 14-й „Положения о прохождении службы“, унтер-офицер Пастухов Андрей, выполнивший все условия на производство в классные топографы, но из-за неимения вакансии, переименовывается в кандидаты в классный чин и оставляется до производства военным топографом унтер-офицерского звания».

– Нэ горюй, кацо, – хлопает Андрея по плечу Кебадзе, – скоро тэпэрь будешь чиновником по Табели о рангах.

– Послушай, кацо, а сколько ты ждал такой милости? – вмешался в разговор поручик Первас.

– Э, сказал, то я, а то он. Он молодой, способный, ему и карты в руки, мы в свое время такими не были.

Теперь Андрей не томился ожиданием, он увлекся порученной ему работой по подготовке планшетов для предстоящих съемок. В отделениях было много молодежи, недавно вышедшей из училища, и таких же, как и он, классных топографов, прошедших те же тернии, через которые сейчас пробирался и он, чтобы выйти в военные топографы. Женатых было совсем мало, и даже при желании трудно было бы оставаться вне бесшабашных, веселых компаний в таком городе, как Тифлис, с его многочисленными соблазнами больших, ярких проспектов и тихих, глухих закоулков. Молодость не терпит застоя, ей подавай простор, а все остальное – в ней самой.

В летний период 1882 года кавказским топографам предстояло выполнить большой объем геодезических и съемочных работ на Главном Кавказском хребте, по Военно-Грузинской дороге, в Терской области и Дагестане в масштабе одна верста в дюйме (1:42 000).

Пастухов был определен в отделение подполковника Близнецова, и ему предстояло вести съемку по Военно-Грузинской дороге, севернее селения Душети. В начале мая отделение выехало к месту работ.

– Ты, Пастухов, сидишь на лошади как заправский казак, – без тени улыбки уверяет его прапорщик Векилов, выровняв своего гнедого с его меринком.

– Так он же ведь на конном заводе вырос, – заметил поручик Наслебянц.

– А скажи нам, Наслебянц, где ты вот так, как сейчас сидишь, научился на коня взгромоздиться?! – решил съязвить слышавший разговор подпоручик Джалалянц. – Как мне известно, в ваших местах, сиречь Карабахе, на чем-то другом ездят?

– Ты, умник, давай без ехидства, – оборвал Векилов товарища, – нам еще долго до Душети вместе ехать, и желательно всем прибыть к месту расквартирования, а то, упаси Аллах, недолго и в пропасть сорваться.

Неловкость в разговоре скоро была забыта, и топографы, мирно беседуя, отпустив повода, обсуждали уже красоты, открывающиеся перед ними и сменяющиеся за каждым поворотом вьющейся как змейка дороги.

Здесь не то, что было в Курляндии. Вот они, просторы, о которых мечтал Пастухов. С одной точки весь планшет видно, рисуй себе и рисуй.

Но как опрометчивы были его суждения о доступности съемки, с какими трудностями он столкнулся в переходах по горным, часто почти недоступным кручам. На бумаге планшета не хватало места, чтобы уместить все горизонталы рельефа. Колючие кустарники раздирали одежду, за неделю он и казаки, ему приданные, изнашивали обувь и возвращались на базу разутые.

– Как Кавказ? – спрашивал Андрея подполковник Близнецов, когда тот, еле передвигая ноги, тащился на базу поздним вечером.

– Ваше высокоблагородие, вы меня, грешного, простите, – в тон начальнику отвечал Пастухов, – я и сегодня опять Кавказа не успел за работой заметить.

Закончив выполнение съемки по Военно-Грузинской дороге, отделение в июле перебазирвалось в Дагестан, в верховье реки Самур. Здесь, среди неистовых нагромождений скал и взметнувшихся к небу снежных вершин, Андрей по-настоящему смог не только увидеть красоту гор, но и представить себе всю трудность и сложность топографических работ в этих условиях, то, чему решил посвятить свою жизнь.

В конце августа унтер-офицер Пастухов был отозван с поля в Тифлис.

– Вот что, голубчик, – как-то по-отечески обратился генерал к Андрею, – коли ты немного знаешь Петербург, то решено тебя послать туда с ответственным поручением.

Иероним Иванович внимательно посмотрел в глаза насторожившемуся Пастухову, стараясь уловить его реакцию на сообщение, и понял, что замысел разгадан.

– Ну хорошо, не буду терзать. Поедешь в столицу и попытаешься протолкнуть побыстрее дело со своим производством. А попутно отвезешь материалы прошлых работ.

– Слушаюсь, – вскочив со стула, громко ответил Андрей, явно растерявшись от оказанной чести и польщенный вниманием к своей более чем скромной персоне со стороны генерала.

– Тогда свободен! В канцелярии готовят нужные документы, и через два дня в путь.

Приказом начальника военно-топографического отдела Главного штаба от 19 сентября 1882 года унтер-офицер Андрей Васильевич Пастухов произведен в младшие классные военные топографы и награжден чином коллежского регистратора с подтверждением службы в Кавказском военно-топографическом отделе.

Глава II

Военный топограф

На следующий день через связного Пастухов был приглашен в канцелярию отдела.

– Ну-с, господин коллежский регистратор! Поздравляю тебя с производством! Распишись вот здесь! – секретарь ткнул пальцем в поле листа с текстом приказа.

– Благодарю вас, господин коллежский асессор! Если бы не ваши заботы, – не без иронии сказал Андрей, – то не свидетельствовать бы мне сегодня сей исторический документ.

– Ладно, – примирительно ответил секретарь, – не задирайся, Пастухов, дел и мне с тобой было предостаточно, но я восхищен твоим упорством и от души желаю успехов на поприще военного топографа. Теперь иди к казначею, получай положенные на обмундирование 150 целковых и через три дня, в новом мундире, конечно, представишься и получишь пакет генералу Стебницкому.

Три дня на экипировку хватило. В хорошо подогнанном мундире с серебряными погонами и пуговицами он выглядел браво, и даже сам удивился, что стал казаться солиднее. Правда, денег осталось маловато, не разгуляешься в столице, но билет до Владикавказа взял в купейный вагон 2-го класса за 36 рублей 33 копейки, хватит ездить в теплушках воинских эшелонов.

И вот снова он едет через Россию с севера до далекого юга, но разве сравнишь прошлые поездки с теперешней? Даже сентябрьский серый от сырости Санкт-Петербург при прощании казался ему каким-то новым, еще более великолепным творением, которое и в прошлые посещения не оставляло его равнодушным при всех невзгодах, с которыми ему здесь пришлось столкнуться.

В прошлогодней поездке, хотя и ехал он к мечте своей – на Кавказ, он томился еще совсем свежей в памяти обидой и не знал, как убить долгие дни и ночи в пути. Ничто его не отвлекало от грустных дум, как он ни пытался избавиться от них. Теперь из окна теплого вагона Андрей не переставал восхищаться золотым увяданием проплывающих за стеклом лесов, предзимней суевой жителей деревень, тусклым расцветьем полей и клиньями птичьих стай, сопровождающих его в пути. И он понимал, что радость от свершения его мечты определяет его мировоззрение, восприятие того, что видит и слышит сейчас.

– Что это вы, молодой человек, так внимательно в пейзаж всматриваетесь, словно никогда не видели этой серой нашей России? – не выдержав, спросил из любопытства пожилой попутчик, со своей супругой едущий в Минеральные Воды.

Осталась позади станция Зеленчукская, а вскоре поезд загромыхал по мосту через Кубань, несущую свои мутные воды с далеких склонов неведомого Эльбруса.

Медленно начинают суживаться окрестные просторы, к полотну дороги все ближе и ближе подступают холмы, пока невысокие и пологие, но за ними, в поднимающейся к небу дымке, все виднее становятся предгорья со скалистыми обрывами и штрихами оврагов и промоин. Андрей хотел себе представить, как бы они выглядели на его карте, и не мог, сразу вставали в памяти кручи и каменный хаос самурских каньонов, с которыми не сравнишь проплывающие сейчас мимо не более чем холмы.

Задумавшись, Андрей как-то не сразу сообразил, где сейчас находится поезд, когда на горизонте показались какие-то знакомые вершины.

«Так это же Верблюды, – спохватился он, – скоро Пятигорье».

– Что это вы, молодой человек, запропастились где-то? Мы уж решили, что отстали от поезда, и вот решаем вопрос, что делать с вашими вещами, – шутливо отчитывал Андрея пожилой спутник.

– Кавказ встречал, – в тон ему ответил Андрей, – боялся, как бы не проехать мимо.

– Так я вам советую, пока не поздно, взять, да и остановиться на некоторое время в Пятигорске, если, конечно, располагаете временем, – не без удовольствия продолжал сосед, полагая, что лучше молодого спутника знает Кавказ, коли побывал здесь, в Минеральных Водах, однажды. – Кавказ начинается здесь, а что касается Владикавказа, то там вход уже дальше, в Закавказье.

– Пожалуй, на самом деле, не сделать ли остановку здесь, тем более что временем я располагаю? Воспользуюсь-ка вашим советом, – решив немножко польстить соседу за его добродушие, сказал Андрей и взялся за ручку баула.

Сборы недолги, и он на перроне. Теперь нужно найти извозчика и махнуть в Пятигорск.

– Впервые, видать, барин к нам пожаловали? – спросил возница, владелец старенькой лошадки и скрипучей небольшой коляски, что согласился подвезти Андрея за скромную плату до города.

– Впервые, – в тон старику ответил Андрей. – А почему ты, отец, так решил?

– Оно видно, как вы по сторонам поглядываете. Так я скажу, что вон те две маленькие горки, – махнув кнутовищем вправо, продолжал казак, – Верблюдом прозываются, а вон эта, огромная – Змейка, между ними Бык и Развалка разместились.

– А отчего они, горы эти, так называются? – спросил Андрей больше для того, чтобы вызвать старика на бóльшую откровенность, считая, что, может быть, удастся уловить что-нибудь полезное для себя из его рассказа, потому как сначала возница казался непроницаемым и угрюмым.

– Рассказывали местные старики, что на этой горе, – кивок головой в сторону Змейки, – жила когда-то большущая змея, людей пожирала, так ее из пушки убили, а гору так называть стали.

– А сами, значит, не местный? – поинтересовался Андрей.

– Не. Я с Дона, казак. С турками в 1855 году воевал, Карс брали, да там меня ранило. Долго в лазарете лежал, а потом сюда привезли, да вот и остался здесь, в Султановке. Почитай, двадцать пять годков живу и иногда извозом занимаюсь, таких, как вы, подвожу, – поведал коротко о своей жизни возница.

– Значит, многое здесь уже повидали и обжились?

– Так у меня и дети с семьями здесь живут, и мы со старухой при них, так-то оно веселее, когда свои рядом.

Некоторое время было только слышно цоканье подков о камни дороги да похрапывание лошади. Старик и Андрей думали каждый о своем.

Дорога, петляя, медленно взбиралась на гребень невысокого увала, и все шире становился обзор окрестных равнин и гор.

– Видите, барин, впереди высокую гору? – после долгого молчания начал старик. – Так это и есть Бештау.

– Это значит «пять вершин» по-татарски, как я слышал.

– Да, так, видите, торчат они, все пять. Поверите мне или не поверите, барин, – оживившись и обернувшись к Андрею, продолжал старик, – но рассказывал один барин, которого я тоже подвозил, что все эти горы возникли после большой битвы, которая произошла здесь давным-давно.

– Это, наверное, он легенду рассказывал?

– Не знаю, что он рассказывал, но помню, что какой-то великан, не то Эльбрус, не то Эльбрус, со своим сыном воевал из-за одной красавицы, которую Машуко звали. Арслан, как звали сына, отцу голову рассек надвое, да не мог одолеть отца. От железной шапки, что была на голове сына, гора Железная образовалась, сам он, разрубленный на пять частей, в Бештау превратился. Окаменела Машуко от горя по убитому любимому Арслану, но разъяренный ста-

рый муж вдобавок еще ее и кинжалом в бок ударил, и Провал теперешний на том месте, как рана глубокая, зияет. А красавица Машуко до сих пор горькими слезами плачет, что водами целебными теперь стали.

– Красивая легенда, – отозвался Андрей, когда умолк рассказчик.

– Не скажу, какая она, эта легенда, но старым людям верить надо, это вы, молодежь, ни во что верить не хотите, – обиженно отвернувшись, сказал старик, – а без веры, барин, не проживете, меня послушайте.

Дорога перевалила на южный склон увала, и лошадка резво засемила мохнатыми ногами, предчувствуя скорый отдых.

На широкой ярмарочной площади, расплатившись с возницей и поблагодарив его за рассказы в дороге, Андрей отправился искать жилье, где бы он мог остановиться на день-два.

Сезон на водах подходил к концу, отдыхающие разъезжались по домам.

Предприимчивые хозяйки сновали у извозчичьих станций, предлагая за небольшую плату снять комнатухи в своих хибарках, приютившихся в Слободке под Горячей горой.

В одной из таких хат, затерявшихся в густой по-летнему зелени вьюнков, и расположился Андрей, в полутемной, с нехитрой самодельной мебелью комнатухе. Было тихо, уютно. Почистив одежду с дороги и умывшись, он немедля, несмотря на позднее время, отправился осматривать окрестности. Уже вечерело. Привычным глазом топографа Андрей отметил, что за оставшееся до сумерек время ему не подняться на вершину Машука, но решил, что с отрога его, что зовется Горячей горой, он успеет взглянуть на Пятигорск сегодня же.

Красноватый диск солнца повис на отрогах Бештау, очерчивая остроконечные вершины, отбрасывающие тени на широкую долину под ней.

Далеко на юге, в разрывах клубящихся облаков, кое-где проступали белесые пики вершин Главного Кавказского хребта. Эльбрус не был виден, о чем Андрей сожалел больше всего, но зато притихший, с вереницами зажигающихся огней город выглядел живописно.

На следующий день, чуть свет, Андрей, задержавшись ненадолго у Эоловой арфы, взобрался на открытую плоскую вершину Машука, откуда перед ним предстала во всей своей красоте панорама Центрального Кавказа – от Казбека на востоке до Эльбруса, сверкающего в лучах восходящего солнца. Вот то, к чему он стремился.

«Как жаль, что времени мало, – думал Андрей, – можно без конца смотреть, и не удовлетворишься сим видением».

По узкой, пробирающейся между колючими кустарниками тропинке Андрей сбегал вниз и оказался перед длинным приземистым зданием, построенным из того же камня, который он встретил на склонах Машука. На открытых террасах, несмотря на столь ранний час, толпилось много нарядно одетой публики.

– Простите! Что это за сооружение? – спросил Андрей оказавшегося поблизости пожилого господина.

– Не знаете? Объясню, – с готовностью откликнулся тот, – это, молодой человек, Елизаветинская галерея, построена по проекту Уптона на месте Елизаветинского минерального источника, открытого Гаазом в 1811 году.

– О! Какие подробности! – удивленно воскликнул Андрей в столь же поэтическом тоне, нараспев. – И вы, как видно, восхищены сим творением рук человеческих?

– Сказать так – это значит ничего не сказать, и началом всего, что вы видите, является природа.

– Хотите сказать, что человек здесь ни при чем?

– Не кощунствуйте, молодой человек, – посерьезнел собеседник, – задача человека это найти, раскрыть тайны и красоты природы и с умом использовать их. Здесь, я полагаю, действия были согласованными, и теперь сам человек радуется и не нарадуется на плоды совмест-

ного труда – природы и его самого. Признаться откровенно, я только радуюсь, а труда моего здесь нет. Но это к вашему вопросу не относится.

– Вы поняли меня, – решил Андрей на продолжение разговора, – что я здесь новичок. Пожалуйста, посоветуйте, что и где мне следует увидеть за один день.

– Пожалуйста, смотрите и слушайте: видите беседку, так это Эолова арфа. От нее вниз спускайтесь, к гроту Лермонтова, еще ниже – парк «Цветник», а там и грот Дианы рядышком. Стоящие виды, не пожалеете. А коли, как я вижу, вы о Пятигорске наслышаны от Лермонтова, то непременно побывайте у домика, где он жила до самой смерти. Останется свободное время – просто побродите по Царскому проспекту.

– Благодарю вас и прошу простить, что задержал, – сказал Андрей, видя, что собеседник, поглядывая через его плечо, начал проявлять суетливость, отвлекаемый кем-то, для Андрея невидимым, и, пожав протянутую руку, отошел на террасную площадку, чтобы оттуда сориентироваться и начать осмотр достопримечательностей Пятигорска.

«Разве можно за один день постичь всю суть и глубину сей красоты, – думал он, спускаясь по Царскому проспекту. – В свободное время непременно сюда еще раз приеду и тогда не спеша посмотрю не только Пятигорск, но и все Минеральные Воды и их окрестности».

Не доходя до Спасского собора, Андрей увидел над входом в небольшую пристройку вывеску «фотография» и решил посмотреть на выставленные в окна снимки. Были здесь и одиночные, и групповые фото посетителей, снявшихся на фоне окрестных гор и зданий, построенных при источниках, были запечатлены пейзажи, которые он здесь не встретил.

«Вот бы мне занять фотоаппарат, – он давно об этом мечтает, – какие фотографии можно было бы делать, снимая виды на Кавказе!»

Открыв дверь, Андрей оказался в небольшом полутемном помещении, стены которого были увешаны множеством фотографий. В углу у стола, за которым сидел молодой человек, разговаривающий со стоящими посетителями, тяжелыми черными полотнищами была огорожена часть комнаты, откуда проникал яркий свет. Поздоровавшись, Андрей начал рассматривать развешенные фотоснимки, стараясь не привлекать чьего-либо внимания, и так увлекся, что не заметил, как остался один в помещении.

– Вы, господин офицер, желаете сфотографироваться? – обратился к Андрею фотограф.

– Простите. Такого намерения у меня, признаться, не было, – оторопев от неожиданного обращения к нему, ответил Андрей. – Питая некоторую страсть к этому искусству, я считал бы непростительным пройти мимо ваших превосходных фотографий.

– Польщен вниманием к нашему скромному труду, – с улыбкой и картинным кивком головы ответил фотограф. – А вы имеете, если позволите спросить, какое-нибудь отношение к фотографии?

– Пожалуйста! Если хотите, то родственное, – тоже улыбаясь, сказал Андрей, – я топограф, а это похоже на «фотограф», и не по созвучию, а по сути дела.

– Ссылаясь на греческий, мы с вами «пишем», но, по-видимому, несколько по-разному, как я понимаю?

– Верно. Вы «пишете» светом, а мы – карандашом да пером, а объекты съемки бывают одни и те же, как, например, вот эти горы, – ответил Андрей, показывая на прекрасный снимок панорамы Бештау.

– Вам приходилось снимать горы? Где?

– Немного, но пришлось, и не где-нибудь, а на Кавказе.

– Вам, наверное, приходилось видеть не менее прекрасные места, коими так богат Кавказ.

– Приходилось. Но жаль, что не пришлось увековечить их в таких вот снимках, какие я вижу здесь.

– А знаете что? – медленно раздумывая, сказал фотограф, – у меня мелькнула мысль об общности наших с вами намерений.

– Что вы имеете в виду? – глядя в глаза собеседнику, спросил Андрей.

– Организацию компании «Топограф, фотограф и К°», – рассмеявшись, ответил фотограф и продолжал уже серьезно: – Но вы простите меня, может быть, можно, после столь длительного «делового» разговора нам и представиться друг другу.

– С удовольствием! – отозвался Андрей. – Пастухов я. Андрей Пастухов.

– А я Раев. Григорий Иванович. Скажите, вы надолго к нам прибыли?

– Только на сегодня, проездом. В Тифлис еду, к службе.

– А что вас здесь заинтересовало?

– Лермонтовские места Кавказа.

– Не могу не разделить с вами, господин Пастухов, ваши увлечения и, если говорить совсем серьезно, то мы могли бы быть полезными друг другу. Поверьте мне не только как деловому человеку, но и как представителю искусства, которым является художественная фотография.

– Я в этом еще раз убеждаюсь, рассматривая ваши удивительные снимки, и готов служить вашему искусству в меру своих сил и возможностей, – посерьезнев, сказал Андрей, – но, как вы могли понять, Григорий Иванович, у меня нет необходимых принадлежностей.

– Я понял главное, у вас есть желание и широкие возможности, тогда как я и мой компаньон заняты больше фотографированием лиц, желающих запечатлеть «в веках свой облик», пребывая на Минеральных Водах. Наши деяния посему ограничиваются узким кругом местных достопримечательностей.

– Ваша правда, – согласился Андрей, – мне предстоит осваивать широкие просторы всего Кавказа.

– Вот вам и карты в руки, как говорят, – удовлетворенно подтвердил Раев и продолжал, увидев через окно идущего человека: – Да вот, кстати, и мой друг шествует.

Раев представил Андрею своего компаньона Николая Васильевича Киселева, которому коротко поведал о своем собеседнике и теме разговора с ним.

– Будем надеяться, что вы, Андрей, при случае или как, но к нам еще заглянете в будущем, да и пишите. Будем рады, а, как договорились, фотоаппарат и другие принадлежности мы вам приобрести поможем. Да, кроме того, не посчитайте за труд навестить наших коллег в Тифлисе, они тоже в помощи не откажут. Рекомендацией нашей воспользуйтесь!

Расстались друзьями. Андрей был очень рад столь интересному знакомству с людьми, искусство которых его давно привлекло.

Переночевав еще одну ночь в Пятигорске, Андрей следующим утром добрался до станции и, выправив билет, выехал во Владикавказ.

Железнодорожный путь был доведен до Владикавказа совсем недавно, и это значительно улучшило сообщение с Закавказьем. Большинство пассажиров направлялись именно туда, чаще это были военные, нередко с семьями. На перроне сутолока, зычные, гортанные крики носильщиков и извозчиков. Не обращая на них внимания, Андрей, подхватив свой баул, вышел на широкую привокзальную площадь.

Город встретил его дождем, влажным и теплым утром, напоенным ночным воздухом, заспанный и безразличный. Бесчисленные лужи с темно-зелеными заплатками опавших листьев искрились под лучами поднявшегося из-за дальних гор солнца. Слева высилась плоская вершина горы Столовой, вьющиеся испарения над которой напоминали пар из тарелок с горячим харчо, а справа, венчая уходящие в небо хребты, снежной шапкой блистал Казбек.

Почти сто лет стоит Владикавказ, замыкая ряд крепостей Кавказской линии, запирая наиболее важный и доступный путь через Главный Кавказский хребет на юг, в Грузию, и дальше, в Малую Азию.

Благодатное предгорье в далекие времена было заселено аланами, владения которых простирались на запад до Эльбруса, но пронесшиеся в XIII веке полчища монгольских завоевате-

лей оттеснили их в горы. После разгрома Золотой Орды степями овладели ногайцы, а позже на эти места распространили свое влияние и кабардинские князья.

Теперешние жители этих мест, осетины и карабулаки, оказавшиеся на столь важном пути связи России с Грузией, на тропе через «железные ворота Кавказа», еще в 1782 году обратились к начальнику русских войск на Кавказской линии с просьбой построить крепость у Тартарула для защиты их от набегов соседских тюркских племен. Так они надеялись обеспечить себе безопасность. С этого и началось в 1784 году на месте старого аула Заурово строительство крепостных сооружений, положивших начало Владикавказу.

Во время восстания чеченцев в 1786 году русские войска оставили все вновь построенные крепости, в том числе и Владикавказ, и только в 1803 году их строительство было продолжено и начата прокладка проезжей дороги через Главный Кавказский хребет.

Взаимные интересы русского и осетинского народов нашли практическое воплощение в освоении предгорий. Началось переселение осетин во вновь образуемые аулы на равнине, русские войска отводились из горных укреплений, и они строили посты на дороге в Закавказье, получившей название Военно-Грузинской.

В 1808 году в версте от правого берега Терека было завершено строительство крепости в виде неправильного многоугольника, окруженной двойным бруствером и заполненным водой ровом посередине. Все строения крепости были деревянными, за исключением дома для приезжих, который строили из кирпича, на каменном фундаменте, с двухскатной крышей, покрытой черепицей. С 1814 года началось строительство каменных и кирпичных служебных зданий, церквей и жилых домов.

На окраине, примыкающей к крепости, где когда-то был аул, выросла слободка, населенная местными жителями, и ей дали название Осетинской, в ней построили Осетинскую церковь. Жители ее привлекались к охране и обслуживанию Военно-Грузинской дороги.

В 1860 году Владикавказская крепость была объявлена городом, но он не выходил из границ старой крепости. Переустройство города велось за счет сноса старых деревянных построек и возведения на их месте каменных и кирпичных. Каждому сословию отводились свои линии застройки, и дома возводились по материальным возможностям владельцев.

Так, на Купеческой улице преобладали низенькие, подслеповатые хатки лавочников, а на Краснорядской, заселяющейся военными, возвышались кирпичные особняки со стрельчатыми окнами и лепными украшениями, и по ней, вымощенной диким камнем, не разрешалось горцам ездить на арбах, дабы не поднимать пыль и не беспокоить жителей.

Андрей размашисто шагал по новому Владикавказу. Город выглядел аккуратным, чистым. Среди густой зелени парков и садов виднелись белые домики предместий, а прямо перед ним уходил вдаль, как бы упираясь в Мат-Хох (Столовую гору), Александровский проспект с бульваром посередине.

С прошлого года Андрей помнил дорогу к почтовой станции, откуда отправлялись дилижансы на Тифлис. На широкой площади, уставленной пролетками, дилижансами, каретами и громоздкими арбами, было шумно. Слышался разноязычный говор, ржание лошадей и трубные позывы ишаков. В центре всего этого скопища возвышалось бело-желтое здание станции, отправной точки всего гужевого транспорта Владикавказского округа.

Выправив билет на 9 часов следующего утра, Андрей решил посмотреть Владикавказ. Без особого труда устроившись на ночлег в доме для приезжих, он налегке отправился бродить по городу.

Миновав площадь, он вышел к бывшим Тифлиским воротам, за которыми просматривалась Осетинская слободка, свободно раскинувшаяся своими бедными лачужками, белеющими среди зелени садов, над которыми иглами впивались в небо пирамидальные тополя. Выше их на солнце горели золотые кресты Осетинской церкви.

Привлекло внимание Андрея и живописное сооружение суннитской мечети, над притвором которой взметнулись два изящных минарета и островерхий купол над ее центральной частью.

Как же можно не посетить кавказский базар, обязательную достопримечательность любого здешнего города?! Во Владикавказе славился Армянский базар, куда и привела Андрея узенькая кривая улочка, напоминающая муравьиную тропу к муравейнику.

«Словно вавилонское смешение языков только что произошло здесь», – подумал он, оглушенный разноязычным гулом, висевшим над базаром. Ряды лавочек, ларьков, увешанные гирляндами товаров и изделий, чередовались с рядами их, выложенными на циновках, холстинах или прямо на земле. Предлагалось все, что может человек производить. Сверкали на солнце золотом и серебром чудные творения рук человеческих: бесценные изделия ремесленников, роскошные одежды из восточной парчи, посуда из меди и глины. Рядом на земле темно-красным пятном лежала куча бараньих внутренностей. Все продавали, зазывали, заклиная, уговаривая покупателей. Но их-то и не было. Отбиваясь от торговцев, Андрей едва выбрался из толчи и остаток дня бродил по тихим пыльным улочкам, с интересом наблюдая за неторопливым течением жизни дворов коренного населения окраин.

Пятиместная карета, запряженная тройкой лошадей, в 9 часов утра, по расписанию, тронулась в путь. Мог бы Андрей поехать и omnibusом, что отходит в 3 и 5 часов пополудни и, без ночлега в пути, на восемь часов сокращает время дороги, но девятичасовая «оказия» позволила в светлое время дня еще раз увидеть удивительные по красоте пейзажи Кавказа.

Пассажиры – чиновник средних лет с супругой и дочерью лет десяти, пожилой штабс-капитан – стали попутчиками Андрея. Ехали молча, каждый занятый своими мыслями, которые вскоре, как это всегда бывает в пути, станут достоянием остальных, как только мелькнет повод к общению.

Позади осталась Молоканская слободка. Впереди простиралась широкая долина Терека, упирающаяся в отроги Лесистого и Пастбищного хребтов, разделенные его руслом, а над самой дорогой нависли горы, Тарская слева и Лысая справа.

На седьмой версте, недалеко от виднеющихся развалин укрепления «Редант», дорога свернула вправо, под навес известковых утесов горы Фетхус.

– Станция Балта, – объявляет извозчик, тем самым давая знать уже задремавшим седокам, что так можно проспять не только виды Военно-Грузинской дороги, но и все на свете, – так названа по аулу, что видите, господа, на склоне горы Адай-Хох.

Короткая остановка, смена лошадей – и коляска, мягко покачиваясь на рессорах, катит дальше.

Андрей же – весь внимание. «Вот незадача, ведь год тому назад здесь проезжал, а вижу все как бы заново», – отмечает он.

– Вы, молодой человек, – несколько фамильярно спросил штабс-капитан у сидевшего рядом Андрея, – наверное, впервые в этих краях, что так жадно смотрите на все вокруг?

– Нет, ваше благородие, еду второй раз, а смотрю как заново, – несколько смутившись, ответил Андрей.

– Завидую вам, батенька, – с тоном сожаления продолжал офицер начатый разговор, – а я так утратил вкус созерцания, проезжаю по этой дороге уже который раз.

Оживились и другие попутчики, прислушиваясь к разговору военных.

– Вы меня простите, ваше благородие, но я полагаю, что иногда восприятие зависит от морального состояния и настроения человека.

– Не задумывался над этим, но, по-видимому, не без этого, ведь мне, признаюсь, надоел этот Кавказ, – нахмурившись, сказал штабс-капитан.

– К нашему человеческому недостатку относится, что мы не всегда находим в себе силы противостоять моральным и физическим невзгодам и от этого не всегда постоянны в восприятии и суждениях.

– Истина глаголит вашими устами, – как бы спохватившись, вставил чиновник. – Только не согласен с тем, что я, например, должен радоваться, окружающие виды рассматривая, если меня на Кавказ тоже силком тянут.

– Простите меня, – несколько робко из-за того, что он пытается вмешаться в столь серьезный разговор старших, краснея, сказал Андрей, – но как можно оценивать с этой точки зрения поэзию Лермонтова, посвященную Кавказу, куда он был сослан?

– Ну мы, слава Богу, не Лермонтовы, – недовольно пробурчал в ответ чиновник под неодобрительный молчаливый взгляд своей «половины», показывая, что нет смысла продолжать разговор на эту тему.

– Я вас, батенька, понимаю, – наклонился штабс-капитан к Андрею, – от нашего настроения красота кавказской природы не померкнет, можете не сомневаться. А если вам удалось победить свое настроение, то вы в ней себя обрести можете. А на наше стариковское брюзжание не обижайтесь, простите наши слабости, – похлопывая молодого человека по колену, примирительно закончил офицер.

Старый кавказец не мог ехать молча и, понимая, что Андрей, как младший, стесняется продолжить начатый разговор, спросил его:

– Для прохождения службы едете, батенька?

– Так точно, по службе, – еще несколько стесненно ответил Андрей.

– Я тоже. Из отпуска возвращаюсь. Съездил в деревеньку, что на Рязанщине, мать-старушку навестил. А теперь снова в армейскую лямку впрягаться придется. В Царских Колодцах мы квартируем. На Кавказе я с 1870 года, с Терским драгунским пришли туда.

– Простите, как мне вас можно называть? – проникаясь доверием к пожилому офицеру, спросил Андрей.

– И то правда. Попроще зовите, Максим Максимович. Предупреждаю, – улыбнулся штабс-капитан, – не тот, лермонтовский, а так, свой, обыкновенный, каких на Руси много, как и Иванов Ивановичей, только что фамилия не Максимов. А вас как зовут?

– Андреем.

– Так-то лучше, нам вместе еще долго ехать. Если не возражаешь, Андрей, – переходя на дружеско-покровительственный тон, сказал Максим Максимович, – то я могу кое-что рассказать.

– Мы тоже с удовольствием послушаем, так что и нас не исключайте, – попросила дама, давно прислушавшаяся к разговору мужчин.

– В таком случае почту за честь рассказать нашему обществу о том, что сам познал или из первых источников знаю, ведь я тоже участник многих здешних дел по инженерному корпусу, – галантно наклонив голову в сторону дам и улыбнувшись, сказал офицер.

Карета только что миновала мрачное Балтийское ущелье, где, сжатый отвесными скалами Мат-Хоха и Адай-Хоха, со звоном бесновался Терек. Впереди открывалась широкая солнечная долина.

– Подъезжаем к аулу Чми, а долина и на самом деле называется Солнечной, – пояснил Максим Максимович. – Небольшие сооружения, что у аула кучно сосредоточены, – это усыпальницы местных жителей.

– А что за развалины видны недалеко? – спросил Андрей.

– Это разрушенное укрепление, когда-то запиравшее Джераховское ущелье. Дальше, слева, за Терек, вы обратите внимание на камешек, – улыбнулся рассказчик.

– Камешек! – удивленно, почти одновременно вскрикнули обе дамы.

– Там не камешек виднеется, а целая гора лежит у самого русла, – уточнил Андрей.

– Не настаиваю на своем, – шутливо приподняв кисти обеих рук, сказал Максим Максимович. – Так это и есть знаменитый Ермоловский камень.

Не удержался, чтобы не посмотреть на огромный валун, даже чиновник, все еще напускавший на себя личину равнодушия к окружающим путников красотам.

– Теперь это единственный, можно сказать, памятник, связанный с именем Алексея Петровича Ермолова, – продолжал рассказчик, – а ведь он в то бурное время налаживал постоянную почтовую и транспортную связь России с Грузией и всем Закавказьем. Видите впереди высокую сторожевую башню? Так это селение Ларс, там немного поразомнемся, а потом я расскажу о дороге, по которой мы имеем теперь возможность быстро и с таким комфортом передвигаться.

Теснина Терека стала снова сужаться, нарастал гул бушующего потока, усиленный и повторенный эхом от отвесных скал, уходящих в небо. Начиналось Дарьяльское ущелье. Максим Максимович снова обратился к попутчикам:

– Такой Военно-Грузинская дорога стала в 1863 году. Пять лет продолжались работы по ее улучшению. Составил проект и руководил работами известный инженер Статковский. Много в нее заложено труда человеческого, и многие русские, грузины и ироны костями легли здесь.

– Кто такие ироны? – спросил Андрей.

– Местных жителей, потомков древних аланов, так называют. Название «осетины» мы, русские, взяли у грузин, да так оно и закрепилось теперь.

Дорога все круче и круче. Умолк рассказчик. Терек властвует над душой и разумом человека, проходящего или проезжающего. У него хватило силы пробить себе дорогу в каменной толще Бокового хребта, но стоило человеку приложить разум и руки, и он рядом с Тереком проложил дорогу. Так кто же сильнее? Человек. Своим разумом и волей.

– Сколько верст тянется ущелье и почему так называется? – кричит Андрей, считая, что сейчас, под впечатлением, надо узнать об этом.

– Двенадцать верст. По-персидски Дариал значит «дорога по ущелью», и они же, персы, называли его «Вратами аланов». Грузины ущелье называют «Арагвис кари», то есть Арагвские ворота, или «Овста кари» – ворота в Осетию, – тоже кричит в ответ Максим Максимович и, успокаивая попутчиков, добавляет: – Осталось немного. Потерпите, и мы увидим свет божий.

Щель Терека стала светлеть, клубящийся туман ускользал вверх и носился клочьями в разные стороны, казалось, тоже от радости, что есть куда вырваться после столь тесной щели Дариала. Вскоре дорога, как бы споткнувшись в своем беге о непреодолимый выступ скал, круто взметнулась влево, сходу перемахнула через Терек и на какой-то миг замерла прямым участком перед грозным укреплением, возвышающимся на усеченной вершине черной скалы. Внизу и ближе, у самой дороги, распростерлось серое приземистое крепостное сооружение с высокими круглыми башнями, изрезанными узкими щелями бойниц.

– Полюбуйтесь, господа, – прервал мысли спутников штабс-капитан, – перед вами Дарьяльская крепость, ключ от Дарьяльских ворот, а на том берегу Терека, на черном утесе, вы видите развалины старого замка, с легкой руки Лермонтова прозванного замком Тамары.

– Из курса истории, что мне пришлось изучать еще в Смольном, в памяти осталось имя грузинской царицы Тамары, – несколько смущенно, но не без гордости за свои познания, вступила в разговор дама.

– Простите, мадам, – вежливо, но не без иронии, не давая даме насладиться воспоминаниями, сказал офицер, – должен заметить, что царица Тамара, правившая Грузией в конце XII века, к Тамаре поэтизированной никакого отношения не имеет.

– А знаете, Максим Максимович, – взглянув на даму и увидев, что рассказчик обошелся с ней не совсем деликатно, отчего та густо покраснела и снова замкнулась, решил смягчить тон

беседы Андрей, – имя царицы Тамары из XII века только выигрывает, если мы его воспринимаем через образ героини лермонтовского «Демона».

– Как будто я возражаю против восприятия образов?! – улыбнувшись и взглянув в глаза обернувшейся к нему женщины, сказал Максим Максимович. – Просто у меня иногда страсть к точности преобладает над романтикой.

– Простите и вы меня, господин офицер, – снова обернулась дама к штабс-капитану с обворожительной и, как ей самой, наверное, казалось, убийственной для него улыбкой, – в вас сидит бесенок женоненавистника.

– Вы, мадам, проницательны, – добродушно отозвался на вызов Максим Максимович, – но не кажется ли вам, что мы уходим от более насущной на сей момент темы разговора, в которой я постараюсь оправдать ваше доверие ко мне?! А что касается отношения моего к женщинам, то, поверьте старому холостяку, у меня есть причины для не столь высокого мнения о «слабом поле».

Чиновник исподлобья взглянул на офицера. Андрей посматривал то на даму, то на Максима Максимовича и как бы вопрошал: «Ну, пожалуйста, зачем так?»

– Нам теперь, как нигде до сих пор, необходимо единство мышления и действий, – приняв устрашающее выражение лица, начал Максим Максимович, уставившись на девочку, – подъезжаем к самому страшному месту Дарьяльского ущелья.

Надвинувшаяся на путников темнота, пронизанная брызгами беснующегося Терека, придавила их, головы инстинктивно втягивались в плечи, воцарилось молчание. Карета проезжала мимо скал, издавна носивших название «Пронеси, Господи».

Перед селением Гвелети дорога проложена по левому берегу реки, за которой виднелись причудливые скалы, напоминающие то летучую мышь с распластанными крыльями, то часового. Когда Андрей поделился своими впечатлениями по этому поводу, то Максим Максимович, которого, видать, дорога несколько утомила, только подтвердил, что так они и называются.

Наконец подъем кончился, лошадиные копыта начали отстукивать беспорядочную дробь, коляска покатила под уклон. Впереди, в широком просвете долины, стали видны строения большого селения.

– Это Казбеги, – ответил Максим Максимович на молчаливый вопрос спутников. – Когда-то этот аул назывался Степанцминда, и старшиной (моуравом) этого пограничного грузинского пункта был Кази-бек, в обязанности которого входило обеспечение безопасности передвижения по дороге, ее ремонт. Позже по имени старшины стали называть аул, а затем и высочайшую гору, что виднелась на западе, которую грузины называли Мкинвари, или Мкинварцвери, что переводится на русский как Ледяной пик.

В Казбеги стоянка была продолжительнее, чем на предыдущих станциях, и пассажиры имели возможность поразмять ноги и перекусить в чайхане при станции.

Пока оставалось еще время, Максим Максимович и Андрей присели на камни. Перед ними, за ущельем Терека и аулом, раскинувшимся на другом берегу, над серыми пологими склонами ближайших гор сверкала снежная шапка Казбека.

– Прекрасен вид, ничего не скажешь, – заметил Максим Максимович, – на Казбек смотреть хочется. Видишь, Андрей, на горе, что левее его и ближе, которая называется Квенец-мта, виднеется монастырь, так это хевская святыня Цминда-Самеба.

– Максим Максимович! Вам не хотелось когда-нибудь взойти на Казбек? – спросил Андрей.

– Нет, такого желания не припомню. Да и к чему туда залезать-то?

– А мне хочется. Хочется на Кавказ с его вершины посмотреть.

Вскоре к ним подбежала группа бедно одетых ребяташек. Вытаскивая из лохмотьев одежды камни, они предлагали купить их. Были среди них и кристаллы, а то и целые друзы горного хрусталя, сверкающего на солнце всеми цветами радуги. Покупателей не было.

– Мне рассказывали, – продолжал Максим Максимович, как только детвора убежала от них, – что в ауле Гергети, что видим под Казбеком, можно найти хороших проводников, и недорого. За рубль в сутки могут согласиться, а носильщик потребует до трех рублей, столько же и за лошадь в сутки требуют. Понадобится – можешь воспользоваться.

– Спасибо за совет, но мне кажется, что топографы сами должны не хуже местных жителей ориентироваться, ведь наверняка ни один из них на Казбеке не бывал, – ответил Андрей.

Кучер окриком прервал разговор друзей. Путь еще далек. Лошадки резко берут с места. Впереди Хевское ущелье. Вдоль дороги то тут, то там высокие сторожевые башни, сложенные из дикого камня, только виднеющаяся на обрывистом выступе горы элия, что при въезде в аул Сиони, четырехугольная, конусообразная, выделяется красноватым цветом. Рядом с ней – небольшая церквушка. Дорога с крутым подъемом жмет к нависшим скалам горы Кабарджин, напоминающим причудливые изваяния. Подъем заканчивается широкой котловиной, образуемой Хевским, Ухатским, Трусовским и Байдарским ущельями, в ней расположено селение Коби. Русло Терека круто уходит на запад.

– Теперь до самого перевала по Байдарскому ущелью путь наш пролегать будет, – пояснил Максим Максимович, закутываясь в шинель и этим как бы давая понять, что дальше путь однообразный, малоинтересный, да и холодновато становится.

Солнце все ниже опускалось к пикам Центрального Кавказа, в долину ложились тени ближних хребтов. Уставшие лошади медленно тянули коляску на перевал.

– Ну, слава Богу! – спохватился штабс-капитан, когда справа от дороги показался невысокий гранитный обелиск, в верхней части которого было высечено: «Крестовый перевал. 2384». – Теперь пойдем быстрее.

– Скажите, Максим Максимович, а почему сей перевал Крестовым зовется?

– Говорят, что на перевале, у старой тропы то ли грузинским царем Давидом Строителем, то ли управляющим горскими народами Давидом Кононовым в 1824 году был поставлен деревянный крест, оттого его называли Крестовым, – пояснил тот.

В сумерках карета подъезжала к селению Гудаури, где предстояло переночевать путникам. Выше селения едва угадывались очертания грозного Хаоса – нагромождения обрушившихся скал.

Осень стояла теплая. Нижняя линия снегов в горах была выше Крестового перевала. Красноватый диск солнца только что выглянул из-за белесой синева Гудамарского хребта. Долина реки Белая Арагви глубиной с версту утопала в сизой мгле предрассветного утра, а над ней искрились вершины Крестовой и уходящих на запад других гор Центрального Кавказа.

– Не спится? – услышал Андрей голос Максима Максимовича. – Я тоже люблю утро в горах. Ни с чем не сравнимое чувство испытываешь, когда глядишь на уходящие в бесконечную даль гребни гор, подернутые синевою.

– Да, я тоже имел счастье познать это чувство, и кажется, оно становится уже необходимой потребностью, – поделился Андрей, а потом робко спросил:

– А что же вы, Максим Максимович, из Владикавказа выезжая, так нелестно о Кавказе отзывались?

– Эх, батенька, – вздохнул Максим Максимович, – если бы я на Кавказ отправлялся только горы глядеть, так я, может быть, и радовался бы.

– А разве радость общения с природой не укрепляет и дух, и тело наше? – улыбнулся Андрей, стараясь увести старшего товарища от мучивших его, как он полагал, неприятных воспоминаний о службе на Кавказе.

– В мои годы даже и это лекарство мало помогает, – грустно глядя на Андрея, ответил штабс-капитан и продолжил: – Вот что, Андрей, не обращай внимания на хандру старика. Дай тебе Бог, чтобы ты всегда и везде оставался молод душой, вот главное! А теперь пошли на станцию, скоро выезжаем.

Карета стремительно катилась вниз, теперь возница едва сдерживал лошадей и старательно нажимал на рычаг, на нижнем конце которого была прикреплена деревянная колодка, прижимающаяся к ободу колеса.

Дорога петляла по склону Земо-Млетского спуска, и пассажиры могли поочередно наблюдать всю прелесть ландшафта золотой осени – от убеленных зимой горных вершин до едва тронутых желтизной увядания трав в глубине долин. Перед глазами то пики Красных гор, то каменный хаос Гут-горы. Только что внизу чернела пропасть Чертовой долины, и вот снова конусы Семи братьев и темно-зеленые спины хребтов, плавно уходящие на юг, с селениями, приютившимися у подножий.

Наконец все восемнадцать витков дороги остались позади, распластавшись на верстовой щеке склона, и она, сделав прыжок через Белую Арагви по узкому мостику, рассекла селение Земо-Млети.

Теперь обзор был ограничен долиной реки. Остаются позади одно селение за другим, и все они похожи друг на друга. Мерное покачивание кареты усыпляет путников. Смолкли разговоры. Совсем не осеннее солнце, пригревая, лишило их сил сопротивляться дремоте, и время для них остановилось.

– Господа! – не вытерпел Андрей, собравшись с силами и протерев глаза. – Взгляните на чудо, только не природы, а рук человеческих, – не пожалеете.

– А! Это Ананури, – взглянув вверх, тоже оживившись, сказал Максим Максимович. – Примечательное сооружение. Это владение арагвских эристов.

На высоком крутом обрыве высились зубчатые стены, уступами охватывающие внутренние крепостные сооружения. Над ними, по углам стен, вознеслись круглые кирпичные башни, из которых одна была с плоской крышей, остальные островерхие. Зубчатые башни венчали входы в крепость, а над всем ансамблем крепости главенствовало крестообразное сооружение с уходящим в поднебесье куполом.

Миновав Ананури и мостик через приток Белой Арагви, дорога резко свернула вправо и вдоль речки начала подъем на отрог Ломисского хребта, покрытый богатой растительностью, придающей мягкость пейзажу, столь характерной для уютной Млети. Центром ее является живописное селение Душети, в котором вскоре и оказались путники, как только спустились с перевала.

От селения Бодорна дорога снова вышла на берег реки, вобравшей в себя воды всех Арагви – и Белой, и Черной, и Пшавской, устремившейся бурным потоком по широкой долине с окаймленной густыми лиственными лесами россыпью белеющих селений.

Отроги могучих хребтов расплзлись в округло-плоские натеки бархатных склонов плодородной Мухранской равнины.

– Скоро Мцхета, – про себя, негромко сказал Максим Максимович, но все как-то встре-пенулись от оцепенения, навеянного созерцанием обильных красками пейзажей, столь непривычных для жителей российских равнин в пору глубокой осени.

– Коли день близится к концу и мы приедем в Тифлис в темноте, то виды Мцхеты будут для нас достойным финалом богатого впечатлениями совместного пути, – с некоторым сожалением, что все имеет конец, сказал Андрей. Он обратился к Максиму Максимовичу: – Вы не откажете нам поведать о достопримечательностях сего местечка?

– Не обессудьте за скромные познания, но рад постараться, если, конечно, не будет возражений, – взглянув на дам, сказал он.

– Что вы, – мило улыбнулась старшая и бросила взгляд на мужа, который так и остался пленником своего испорченного назначением на Кавказ настроения: – Мы так рады, что нам удалось за два дня пути благодаря вашей милости так много узнать о совсем незнакомой для нас части России.

– Тогда смотрите! За рекой высятся и сейчас еще весьма впечатляющие развалины старинной крепости, некогда запиравшей долину Арагви и защищавшей Мцхету от набегов враждебных горных племен, – с вдохновением начал Максим Максимович. – Называлась она Бебрис-Цихе, что переводится как «Крепость старца», а дальше, на отроге Сагурамского хребта, вы видите памятник древнегрузинского зодчества – храм Джвари, воспетый Лермонтовым в поэме «Мцыри». Когда-то Мцхета была столицей Грузии, а величественное сооружение, что вы видите перед собой, есть кафедральный собор Свети-Цховели, являющийся усыпальницей многих грузинских царей. Другой собор, видимый поодаль, – Самтавро, где, говорят, похоронен христианский царь Грузии Мариан.

Лошадки, предчувствуя близкий конец пути, резво катили коляску по укатанной ровной дороге и, прежде чем рассказчик поведал об истории Мцхеты, уже дружно зацокали подковами по отполированному деревянному настилу моста через многоводную Куру.

Прямо перед глазами путников – высокие уступы увитых зеленью отрогов Триалетского хребта, а слева, куда свернула дорога, как писал Лермонтов,

...сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры...

Вечерело, когда карета выехала на обширный пустырь, называвшийся Дигомским полем. Видны были редкие пригородные строения. В шестом часу, оставив позади двести верст, карета подкатила к «конторе движения» – небольшой почтовой станции. Сверкал огнями Тифлис. Пассажиры расставались, и каждый уходил в тифлисскую ночь со своими мыслями о завтра.

Бабушка Ноно с радостью встретила своего постояльца и долго его рассматривала, обходя кругом, любуясь его новым мундиром и прищелкивая от удовольствия языком.

– Вай, вай, генацвале, какой ты пригожий! Мне бы в молодости такого красавца встретить, – приговаривала она и, мелко смеясь, смахнула уголком передника со сморщенного, иссушенного временем лица слезинки.

Направляясь на следующий день с докладом к генералу Стебницкому, Пастухов не мог избавиться от непонятного волнения.

«Чего бы мне теперь-то волноваться? Так ведь нет, терзаюсь», – думал он, переступая порог знакомого кабинета.

– Ваше... – только было начал рапорт, щелкнув каблуками, Пастухов, как генерал, поднявшись из-за стола, протянул руку ему навстречу.

Андрею, смутившемуся от неожиданности, ничего не оставалось, как на полуслове прервать рапорт – не заставляя же генерала стоять с протянутой рукой – и, сделав шаг в его сторону, пожать руку.

– Рад за вас, господин коллежский регистратор, – всматриваясь в стоящего перед ним статного, затянутого в новенький мундир классного военного топографа, сказал Иероним Иванович и добавил, возвращаясь за стол: – А теперь садитесь и расскажите, как там, в столице, дела делаются.

Андрей подробно доложил о выполнении поручения и всех тонкостях по его производству.

– А теперь за дела, – усмехаясь в усы, сказал генерал, – их у нас с вами на Кавказе хоть отбавляй.

– Непременно оправдаю ваше доверие, – просто ответил Андрей и, встав со стула, четким шагом вышел из кабинета.

«Прекрасный бы вышел из этого молодого человека триангулятор, но и топографы хорошие тоже не менее нужны», – подумал генерал, провожая взглядом Пастухова. Иероним Иванович поймал себя на мысли, что немножко завидует молодому человеку, только что покинувшему его кабинет. «Но, по-видимому, – думал он, – дело не только в годах. Разве много – пятьдесят лет, что на днях мне исполнилось? А здоровье поизносилось. Кавказ, конечно, не только благодатное место, но и обширная область непочатого труда по изучению и освоению края для нужд России». Сделано немало, в том числе и его, Стебницкого, усилиями, в то же время главное все впереди и таким, как Пастухов, предстоит еще много потрудиться.

Андрей был полон сил и замыслов, не боялся гор. Материальное положение его значительно улучшается: теперь, согласно «Положению», на год приходится, по чину XIV класса, 300 рублей, да в полевой период, при двойной норме по Кавказу, «порционных» 1 рубль 20 копеек в день – это уже деньги.

«Надо будет Наде и Ксюше послать денег», – размышлял Андрей, который изредка писал сестрам письма и делился своими горестями и радостями, справлялся о житье-бытье в Деркуле.

Топографы отдела только что начинали возвращаться с полевых работ, а из вернувшихся несколько офицеров были отпущены в отпуска.

– Господа офицеры! – раздалась громкая команда в чертежной, как только Андрей закрыл за собой дверь. Это поручик Федюкин решил отметить возвращение Пастухова «с победой». Вскочив из-за стола, печатая шаг, пошел навстречу к нему под одобрительные взгляды других топографов, вытянувшихся во фронт.

Оторопел от неожиданности Андрей. Только когда он оказался в объятиях Федюкина, то понял, что Александр Николаевич этой дружеской шуткой выразил чувства к нему, наконец возвратившемуся в семью военных топографов, где его давно считали своим.

– Благодарю вас, господа, друзья, – смущенный вниманием товарищей, бормотал Андрей, – благодарю.

Все подходили к нему и пожимали руку, равнодушных не было, даже чопорный обычно штабс-капитан Фергис с приветливой улыбкой, чуть снисходительно похлопал его по плечу.

– Да ты просто гвардеец, кацо, – стоя поодаль, восхищался Кебадзе, – тебе надо было в Семеновский проситься, а не к нам, на грешный Кавказ.

– Ничего! Говорят, что скоро военных топографов тоже переведут в гвардейские отряды, – смеется штабс-капитан Шарифов.

– Вот-вот, – не удержался и подполковник Близнецов, – даже не в полки, а в отряды и, поверьте, отнюдь не в гвардейские.

– И просто военных топографов родина не забудет, – с иронией подметил Гламаздин, – а гвардейское «бремя» нам ни к чему.

– Садись и рассказывай, как и чем живет столица, – попросил Федюкин, когда офицеры угомонились.

Андрей поведал, что слышал в Петербурге о новостях в корпусе, о новшествах, вводимых новым императором, особенно по части обеспечения порядка и спокойствия.

– Что-что, а эта забота и до Кавказа дошла. Чувствуется она и здесь, – робко заметил Федюкин. – Ну ладно, что делать будешь?

– Как что? Доделявать нашу с вами общую работу, – ответил Андрей на вопрос Александра Николаевича, – это подтвердил и полковник Жданов.

– Вот и прекрасно. Закончим и гулять будем, – заключил поручик.

– Кто будет, а кто и нет, – усмехнулся Пастухов.

– Ты молод и все еще успеешь, а мне, старику, не грех и домой, в Россию съездить, ведь невеста там ждет.

– Э, кацо! – вмешался в разговор Кебадзе. – Зачем в Россию за невестами ездить, так далеко?

– Генацвале! – в тон ему парировал Федюкин, усмехнувшись. – Вы, грузины, добродушнейшие из людей, но невест своих ни с кем не делите.

– Но мы же русских девушек любим, почему же вам, русским, не любить грузинок? – не унимался, стараясь простодушничать, Кебадзе. – И ваши девушки не отвергают любовь грузин.

– Не притворяйся, Кебадзе, что греха таить, ни у вас, грузин, ни у нас, татар, да и у других народностей не столь свободны девушки в любви, как у русских. И вина тут не в самих девушках, а в особенностях народных традиций, установившихся за века. И вряд ли нам с вами удастся их преодолеть, – не удержался капитан Гламаздин и усмехнулся, желая закончить разговор на столь щепетильную тему: – Так что вези, Федюкин, свою невесту, это надежнее, спокойно спать будешь.

– Ладно, давай гулять сегодня, – сказал Федюкин Андрею, – а завтра, как говорят, утро вечера мудренее, посмотрим, с чего начать твою работу по подготовке планшета к сдаче.

– Слышно ли о завершении полевых в других отделениях? – спросил Андрей.

– Дагестанские отделения в полном составе вернулись, как видишь, – окинув глазами чертежную, сказал Александр Николаевич, – а из Терской области скоро собираются быть здесь. Мухранцы и батумцы – у них еще тепло – получили добавочки и задержатся. Вот такие у нас дела. Удовлетворен сведениями?

– Спасибо, господин поручик, – шутливо ответил на вопрос Андрей, – вполне удовлетворен, но возник еще один вопрос.

– Какой? – насторожился Федюкин.

– Когда же штабс-капитаном вас величать будем?

– Этот вопрос, господин коллежский регистратор, не по адресу задаете, надо было об этом спросить генерала Форша в Санкт-Петербурге, и тогда я бы тоже знал об этом, – в тон Андрею ответил Федюкин. Смеясь и помахивая рукой, он напутствовал Пастухова: – А теперь, когда вопросы все исчерпаны, давай-ка, Андрюша, убирайся отсюда подобру-поздорову, пока не усадил тебя за планшет.

Андрей, работая весной в одном отделении с Федюкиным, проникся уважением к немножко застенчивому, но очень самостоятельному в суждениях и действиях человеку. Нравилось его ровное отношение и к начальникам, и к младшим товарищам. Опытный топограф-кавказец, он вовремя мог помочь в трудных условиях товарищу и без намека на превосходство.

Поручик Александр Николаевич Федюкин родился в 1845 году, в семье солдата, прошел тяжелую школу кантонистов, куда был зачислен со дня рождения, закончил особую школу унтер-офицером и в 1858 году вступил в топографическую службу. Только в 1869 году ему удалось сдать экзамены на прапорщика, и с тех пор он на Кавказе считается неплохим топографом, хотя звезд с неба не хватает, но и начальство не донимает требованиями внимания к своей персоне, а значит, не всегда у того доходят руки, чтобы находить основание к своему временному представлению к очередному чину. Есть такая удобная для начальства категория офицеров: надежные в работе, бескорыстные. Нечто похожее на вола в человеческом обличье. А на волах любое хозяйство крепко держится.

Зимний – камеральный – период работ топографов несравненно более легкий, чем полевой. Служебный день четко регламентирован по времени. Значительная доля его отводится на теоретические занятия по специальным дисциплинам, усовершенствованию в черчении. Строевая служба нудна, но что поделать, ведь они военные топографы.

По прошествии нескольких дней Пастухов получил причитающиеся ему деньги и пригласил коллег в небольшой уютный ресторанчик, каких немало в старом Тифлисе, чтобы

«обмыть» свое производство. Пришли многие из находящихся в городе, все остались довольны, а особенно сам Андрей, ободренный доброжелательностью старших товарищей.

Дальше можно было свободнее рассчитывать свои действия, его положение определилось надежно, но, упаси Бог, не расслабляться и не закинуть на этом уровне.

«Я на Кавказе, а что знаю о нем?» – неотступна мысль. Предстоит работать в самых трудных условиях необжитого высокогорья, значит, нужно заняться изучением литературы, что создали предшественники, и современных данных, чтобы иметь предварительное представление о крае, условиях передвижения, питания, особенностях общения с местным населением.

Андрей, будучи еще в Петербурге, не упускал случая почитать газету. Его не привлекали сплетни высшего света, не всегда мог разобраться в сложностях международных отношений, но статьи, посвященные путешествиям, географическим открытиям, он выискивал среди массы информации на их страницах. В Тифлисе он сразу обратил внимание на газету «Кавказ». Это был официальный орган администрации края. В ней помещались все официальные сообщения, распоряжения по Российской империи и местные – как по военному ведомству, так и по гражданской части, статьи и сообщения по изучению и обследованию разных районов и по широкому кругу вопросов, и, как во всякой газете, печатались объявления о продаже, купле, розыске, расписания движения поездов по железной дороге, карет, омнибусов по грунтовым и даже о продаже животных и желании найти спутника жизни с приемлемыми данными.

Он считал, что выберет нужную ему информацию из этой газеты, и подписался на нее, платя 1 рубль 50 копеек в месяц. Газета была ежедневной, отдельный экземпляр ее стоил 5 копеек, выходила она на двух или четырех листах большого формата и только на русском языке.

Придя в контору газеты, которая располагалась на Пушкинской улице, в доме А. Бабаносова, что против караван-сарая Томапшева, Андрей узнал, что как только будет объявлена подписка на будущий год, то при оформлении ее на целый год стоимость составит всего 11 рублей 50 копеек.

Андрею хотелось узнать историю развития Тифлиса, но никак не попадалось под руку что-нибудь подходящее из литературы, и когда он попросил у Кебадзе совета, то тот, не задумываясь, ответил:

– Горю твоему, генацвале, помочь просто. Отправляйся в Кавказский музей, посмотри, что там есть по интересующему тебя делу, а главное, постарайся послушать господина Густава Ивановича Радде, и тогда тебе все будет ясно.

– Спасибо. Воспользуюсь твоим советом.

В ближайшее воскресенье Андрей отправился в музей. Оказалось, что музей организован при непосредственном участии Радде и он является его бессменным директором. Милейший Густав Иванович, известный в России естествоиспытатель, сам путешественник и этнограф, был влюблен в свою науку и всякого, кто обращался к нему с вопросами, готов был считать своим единомышленником, и рассказам его не было конца. Проживая в Тифлисе с 1863 года, он исходил немало горных троп, проникая в самые отдаленные и неизученные районы не только Кавказа и Закавказья, но и Турции, Ирана и даже Крыма и Восточной Сибири.

«Это не человек, а научный кладезь», – думал Андрей после того, как ему удалось послушать его пояснения в самом музее. Туда потом Андрей ходил не раз, лично познакомившись с Густавом Ивановичем.

– Вы, господа, – обратился Радде к группе посетителей музея, в которой был и Андрей, – пожелали, чтобы я рассказал вам о нашем городе, так прошу прощения, что не могу удовлетворить изысканные запросы, так как я не историк, а популярно, по возможности, и, конечно, кратко кое-что передам из доступных мне источников о его истории.

Подойдя к схеме города, вычерченной в разноцветных тонах и показывающей, как город развивался за многие века, он взмахнул указкой и начал:

– Прошу, господа, представить, что мы с вами находимся наверху башни Саломе крепости Шурис-цихе, отсюда открывается живописный вид на Тифлис и его окрестности. Мы с вами на Сололакском гребне горы Табори, по-русски Фавор (теперь она называется Нарикала), окаймляющем широкую долину реки Куры. С запада над городом господствует гора Мтацминда, ее еще называют горой Давида, с востока – Махатские высоты, а от нас с вами, сколько видит глаз, на север, по обеим берегам реки, предстает красавец Тифлис, как его мы сейчас называем. Местное название города – Тбилиси, произошло от грузинского слова «тбили», что значит «теплый», и, по-видимому, от искаженного названия «су», что по-татарски означает «вода». Причина тому теплые серные источники, находящиеся южнее города.

Основано поселение в XV веке новой эры, а как город получило свое развитие при грузинском царе Вахтанге I Горгасале и его сыне Дачи. Благодатный климат котловины, живописные высокие берега Куры, изрезанные речками и оврагами, издавна привлекали людей, а удобное географическое положение предопределило значение Тифлиса как столицы централизованного грузинского государства конца VI века вместо древней Мцхеты. За свою многовековую историю город неоднократно подвергался нападениям иноземных захватчиков и разрушениям. Так, в VII веке в Грузию вторгались арабы, в IX–XI веках она испытала опустошительные набеги хазар, персов, турок-сельджуков. В 1122 году Давид Строитель освободил город, и он благодаря мужеству и усердию всей страны был возрожден, стал столицей объединенной Давидом Грузии.

В XIII веке Тифлис опять разорили хорезмийцы, потом полчища монголов, в XVII веке – войска персидского шаха Аббаса I.

К концу XV века постоянные нашествия персов, затем турок привели к распаду Грузии на три части. Тифлис стал столицей Картлийского царства.

С XVIII века начали возникать связи Грузии с Россией, а в 1783 году по инициативе царя Ираклия II между нами был заключен Георгиевский трактат, по которому Грузия перешла под протекторат России.

В 1795 году Тифлис подвергся новому, уже последнему нашествию врагов. Войска персидского шаха Ага-Мохаммеда разрушили город, истребили или увели в плен многих жителей его. Но в конце 1799 года с помощью русских войск Тифлис был освобожден от захватчиков, а в 1801 году манифестом императора Александра I восточная часть Грузии была присоединена к России. В результате успешных военных действий против турок и персов в 1804–1813 годах вся Грузия была воссоединена в границах России, и было учреждено Верховное грузинское правительство, упраздненное лишь в 1838 году.

Вот, господа, что было в моих силах довести до вашего сведения, а кто будет интересоваться достопримечательностями города, то и в этом ваш слуга не посчитает за труд помочь желающим, – закончил Густав Иванович.

Поблагодарив Радде, посетители музея обратились к осмотру его экспозиции. Андрей, решив, что для внимательного изучения ему понадобится много времени, покинул музей, довольный, что узнал о таком интересном человеке, как Густав Иванович.

После Рождества начали собираться в чертежной топографы, заканчивались отпуска.

– Рад всех видеть здоровыми! – басит Векилов, едва переступив порог, и, прищурившись, покручивает кончики своих пышных усов. На его некрупном, как и вся фигура, лице чуть лукавая улыбка, значит, поручик доволен отпуском. Теперь на всю зиму заряжена энергией его острьяцкая натура, скучно не будет.

Снова расспросы, разговоры. От работы отвлекают.

– Господа! Меру знайте, – не выдержал капитан Кирпичников, начальник четвертого отделения.

– Вы, господин капитан, – не поднимая головы от планшета, вмешался в разговор Николай Васильевич Жуков-второй, как его зовут (есть еще и Жуков-первый, Василий Василье-

вич), – не лишайте их удовольствия выговориться до конца, и чем скорее иссякнет их источник, тем скорее в чертежной настанет молчание.

Жуков-второй, крепыш, широкой трудовой кости, с высоким, умным, открытым лбом и совсем закрытой нижней частью лица – пышными усами и не менее пышной бородой, сросшейся с усами по всей их линии, при всей серьезности своего характера слыл милейшим товарищем. Однако начальники, несмотря на его добродушие, считались с ним, зная его принципиальность и независимость в своих суждениях.

– Хорошо бы, – улыбнулся Кирпичников, – все разом являлись из отпуска, тогда бы одновременно отговорились и в чертежной установилось бы спокойствие, а если вот так, как сегодня, каждый день по одному, то нам и месяца мало будет, чтобы всех встретить.

– Не волнуйтесь, капитан, – сегодня еще кто-то из ваших идет, – с издевкой в голосе сказал Гламаздин, услышав в коридоре тяжелые шаги.

– Вы, господа, меня ждали? – распахнув дверь и высовывая вперед свою бородку с округлыми бакенбардами, смеясь, гаркнул Михаил Голомбиевский.

– Вы правы, Николай Васильевич, – усмехнулся Кирпичников, – жертвуем сегодняшней встречей.

– Господин капитан! – тяжело ступая, на Кирпичникова надвигался статный красавец Михаил Казимирович. – Коллежский секретарь Голомбиевский из отпуска явился.

Прибывший отдал рапорт начальнику отделения. Со всеми поздоровавшись, Голомбиевский подсел к столу Андрея.

– Тебе, дружище, мое особое, как говорят, «с кисточкой», самое доброе приветствие, – крепко пожимая руку Пастухову, сказал Михаил.

– Спасибо, Миша, рад и я тебя видеть в здравии и хорошем расположении духа, – ответил Андрей и спросил: – Может быть, зайдем после службы ко мне?

– Охотно. Хочется поговорить.

В начале января, когда весь личный состав отдела был в сборе, генерал Стебницкий провел совещание, на котором подвел итоги работ прошлого года. Все пять отделений съемщиков успешно справились с заданием в трудных условиях Дагестанской и Терской областей, в Горийском и Душетском уездах. Геодезисты полковник Кульберг, подполковник Гладышев, капитан Гедеонов, штабс-капитан Первас выполнили большой объем работ по нивелировке в целях определения уровня Каспийского моря, разности долгот Тифлиса и Ростова-на-Дону, по испытанию новых приборов и определению новых тригонометрических пунктов в Закавказье и Закаспийской области.

На зимний период ставилась задача произвести обработку всех материалов, вычисление конечных данных по геодезическим работам и вычертить издательским черчением все планшеты топографической съемки.

– Как, не страшно начинать столь ответственную работу? – спросил Федюкин Андрея, сидящего за столом, в раздумье уставившегося в лежащий перед ним планшет, испещренный так плотно горизонталями в карандаше, что из белого он превратился в какое-то темное пятно.

– Я о черчении еще и подумать не успел, – поднимая голову и смотря в глаза Александру Николаевичу, ответил Андрей, – а мне сейчас стало страшно, оттого что не могу представить теперь себе, как можно было по изображенным на планшете кручам ходить, а еще и снимать.

– Разделяю твое ощущение, оно напоминает то, что переживает человек, проснувшись после кошмарного сна, – улыбнулся Федюкин, – но как с наступлением дня тяжесть кошмаров исчезает, так и твой страх перед кручами и недоступными ущельями улетучится, как только ты снова окажешься среди них.

Теперь в чертежной тишина, четок регламент работы и отдыха. В короткие перерывы все в коридоре, разминка, разрядка – и снова тонкое, тщательно заточенное перо ведет на планшете тонкую линию горизонтали, замыкающую в себе все точки поверхности земли с одной и той

же высотой над уровнем моря, мелкую строчку едва проходимых троп, редкие жирные линии дорог, сетку оврагов и промоин, где-то сливающихся в змейку реки.

Горизонталей так много, что не хватает места, чтобы вычертить каждую из них, и тогда, сливаясь на планшете, они образуют пятна штриховки либо упираются в белые пятна, изображающие недоступные ледники. Но постепенно самые невероятные по ширине и форме замкнутые фигуры, разбившись на множество мелких, все дальше и дальше расходящиеся друг от друга, превращаются в точки с указанной высотой. Это вершины гор.

Для человека непосвященного все эти линии, испещряющие лист ватмана невероятнейшими зигзагами, представляются забавными лабиринтами, а для топографа это вид земли с высоты птичьего полета, с грозными заоблачными пиками снежных вершин, мрачными ущельями горных теснин и беснующимися в них потоками, с тонкими проблесками дорог, зеленеющими рощами благодатных долин, с полосками нив и квадратиками аулов и саклей, в которых живут люди. Для топографа планшет оживает.

Но не для себя топограф создает карту, он должен ее еще озвучить, подписать названия, дать оцифровку элементам карты, сделать ее доступной пониманию других людей, и только тогда она материализуется силой в сознании того, что увидел и нарисовал топограф.

– Господа! – откинувшись от планшета и бросая чертежную ручку на стол, не вытерпев напряжения работы и тишины, взорвался титулярный советник Нильский. – Как хотите, а мне претят эти бесконечные линии горизонталей. Какой это умник придумал их?

– А что, тебе нравились штрихи или отмывка? – отозвался его друг Ильин, вздохнув и решив воспользоваться напрашивающейся паузой в работе.

– Дело не в том, что нравится, а что не нравится вычерчивать, штрихи или горизонталели или изображать рельеф отмывкой, а то, что читать нашу карту стало трудно даже нам самим, топографам. То ли дело, когда наглядность была. Любой не посвященный в нашу премудрость мог определить на карте, где гора, она выпирала из листа бумаги.

– Ну уж если с этой точки подходить к оценке топографической карты, – не вытерпев, возразил Нильскому капитан Федотьев, – то художники на своих картинах куда как выразительнее горы показывают, понагляднее, чем мы с вами, а, кстати, умники, о которых ты говоришь, господин Нильский, придумали и нас с тобой, топографов.

– Да еще и каких топографов. Художников, – поддержал Федотьева штабс-капитан Степанов. – Значит, нужда в нас давно была.

– Не о нужде или не нужде говорю, а о наглядности изображения элементов местности на плане, – настаивал Нильский, – и утверждаю, что горизонталели для изображения рельефа ввели ни к чему.

– Как же можно было по карте, которую вы, ветераны-топографы, делали, определить высоту любой нужной вам точки местности? – с иронией спросил поручик Первас Нильского.

– Господа! Отвлеклись от дел, – прикрикнул подполковник Блинецов, – а что касается существа дела, то ставить под сомнение преимущество карты с рельефом, изображенным горизонталями, просто неграмотно. Но не забывайте, господа, что за последние десять лет не только повысились требования к топографическим картам, но и мы получили новые приборы, прежде всего кипрегель-дальномер с вертикальным кругом, и с того времени имеем возможность создавать карту более точную и наглядную.

– А я бы добавил, – сказал другой начальник отделения, капитан Кузьмин, – что в те, теперь уже далекие времена нашего брата было мало, а карты требовались, вот мы и делали их, чтобы люди имели хотя бы какое-нибудь представление о земле, на которой они живут, а то ведь повсеместно «белые пятна» были.

– Совершенно верно, – продолжил его мысль подполковник, – тогда-то и «чертеж» Семена Ремезова был великим новшеством в России, а теперь мы способны и должны дать

карту, отвечающую возросшим требованиям науки, государственного хозяйствования и, что не менее важно, обеспечения военных нужд.

Андрей внимательно слушал разгоревшийся спор бывалых товарищей, исходивших своими ногами многие сотни верст по тропам Кавказа, отметив, что все они серьезно относятся к делу, ставшему их жизнью. Никто не жалуется на трудности работы, а оценивают ее с точки зрения полезности для общества. И он сам, познав условия работы топографов в горах Кавказа, не страшился ни заоблачных вершин, ни темных грохочущих ущелий. Хотелось скорее вычертить планшет, сдать его и, получив новый, уйти туда. Он уже познал весеннее влечение топографов, которое овладевает ими, как птицами перелетными инстинкт.

В начале года на одном из совещаний начальников отделений генерал Стебницкий сообщил о районе работ на 1883 год:

– Господа! Нам предстоит выполнить некоторые работы по съемкам в западной части Грузии и других частях Закавказья, но основные работы будут в Терской и Дагестанской областях.

– Какую сеть подготовили нам геодезисты? – спросил генерала начальник пятого отделения капитан Кондратенко.

– Об этом сообщит вам полковник Кульберг. Пожалуйста, Павел Павлович, – ответил Стебницкий.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Господа! – начал Кульберг. – Последние три года мы, триангуляторы, в основном вели работы по областям Северного Кавказа, Терской и Дагестанской, где развивали триангуляцию первого и второго классов. Плотность пунктов недостаточна, но все же начинать топографические съемки вы можете, предварительно составив надежные съемочные сети на каждом планшете.

– К тому же, – добавил начальник отдела, – при определении объема съемок на каждого съемщика мы предусматриваем дополнительные работы по геодезическому обеспечению их, понимая, что верстовой масштаб очень требователен к основе.

– Кроме того, можно будет использовать и астрономические пункты, – продолжал полковник Кульберг, – определенные капитаном Гладышевым и мной.

– Конечно, не густо, – разведя руками, сказал генерал, – но от нас срочно требуют карты районов, разоренных недавними войнами, встала необходимость их изучения и организации мирной жизни.

– Не забывайте, господа, и о тех невзгодах, кои терпели русские войска в горах, где не было топографических карт, и наши топографы, нередко тайно проникая в тылы горцев, могли производить только глазомерные съемки по главным направлениям действий войск, – пояснил в заключение Иероним Иванович.

В марте месяце, как только Пастухов сдал в корректуру заверченный планшет, начальник третьего отделения съемщиков подполковник Близначев пригласил его к своему столу.

– Готовится приказ об определении состава отделений на этот год, и вас, господин коллежский регистратор, назначают в третье отделение. Как на это смотрите? – сказал он, смотря в глаза Пастухова, желая определить, как тот примет сие известие.

– Так я же человек еще новый в отделе, ваше высокоблагородие, – смущенно, но про себя удовлетворенный, что придется работать под командой опытного и авторитетного офицера, начал он, – и почту за честь учиться у вас и совершенствоваться.

– Не приписывайте моей особе исключительность, а чем могу, помогу, тем более, как я знаю, желания к этому у вас не занимать. Одним словом, как говорят, взаимопонимание установлено, и к делу. Как сами считаете, попроще или посложнее дать вам участок работ? – улыбнулся подполковник и продолжал: – Я исхожу из простых и разумных суждений, ибо все остальные съемщики в отделении будут старше и опытнее вас. Понятно?

– Понятно, господин подполковник, – с некоторой ноткой обиды в голосе ответил Пастухов, что сразу уловил Близнецов, – только я не намерен за счет товарищей приобретать себе поблажки, да и привык трудностей не бояться.

– Вот и хорошо, считаю, что сделан еще очень важный шаг к доброму доверию между нами, которое будет так необходимо в нашей с вами общей работе на Кавказе, – заключил начальник отделения. – Свободны.

Теперь, когда стало известно о месте съемок в этом году, Андрей решил в свободное время заняться изучением района, чтобы иметь представление о нем. Имеющиеся в отделе старые карты на некоторые участки были схематичны. Надо было иметь представление о жизни и быте населения, еще нередко враждебно настроенном.

– Пойдем на днях в Географическое общество, – посоветовал Андрею Голомбиевский, – там должны быть материалы путешественников по тем краям. Это общество организует экспедиции в целях изучения Кавказа и Закавказья, а нередко, как я слышал, в библиотеку общества поступают заметки и из других источников.

– Вот завтра и пойдем, – сказал Андрей. – Чего откладывать? Время не ждет.

За небольшую плату в библиотеке им разрешили пользоваться имеющимися архивными собраниями, «Записками» и «Известиями», издаваемыми отделом, в которых Андрей нашел обширные сведения по исследованию края, сообщения историков, этнографов, языковедов. Заинтересовали его и сведения о самом Географическом обществе, в его работе принимали участие люди, о которых он не раз читал и слышал.

Перелистывая недавно вышедший седьмой том «Известий», Андрей обнаружил некролог, посвященный недавно умершему в Тифлисе генералу Ходзько, о котором много слышал в разговорах среди топографов. Статья была написана генералом Стебницким, учеником и последователем покойного, в нее он вложил всю боль утраты и гордость за дела его, свершенные на Кавказе.

Изучение Кавказа и Закавказья началось со времен усиления влияния России на развитие событий в этом районе еще при Алексее Михайловиче, а при Петре Первом оно приняло систематический характер. Обследовались не только пути связи с краем, но и отдельные территории его. Составлялись описания и глазомерные съемки. С присоединением к России Крыма в 1783 году, Дербента и Баку в 1796 году и Грузии в 1801–1804 годах для изучения новых земель Российская академия наук организовала несколько научных экспедиций: переходили от географических описаний к исследованиям.

В результате к началу XVIII века были созданы глазомерные карты наиболее важных в военном и экономическом отношениях частей этой обширной территории.

Только после окончания войны с Турцией в 1829 году в Закавказском крае были начаты топографические съемки под руководством офицеров Корпуса военных топографов, что позволило начать составление десятиверстной карты его, основой которой служили астрономические пункты и редкие еще геодезические, положившие начало высотному обоснованию ее.

Недостаточность опорных пунктов, отсутствие необходимых инструментов не позволяли создать карты требуемой точности. Нужно было создать сеть тригонометрических пунктов с надежными данными в плановом и высотном отношениях, что и выпало на долю Иосифа Ивановича Ходзько.

Иосиф Иванович родился 20 января 1800 года в состоятельной и известной семье в Виленской губернии Царства Польского. Службу в армии начал колонновожатым после окончания физико-математического факультета Виленского университета в 1821 году.

С 1824 года он начал заниматься астрономическими и геодезическими работами, и особенное значение имело участие Ходзько в тех, которые проводили В. Я. Струве и К. И. Теннер в западных губерниях России по определению градусного измерения от Балтийского до Черного моря.

В 1831 году поручик Ходзько командирован на съемки в Молдавию и Валахию, где, занимаясь описаниями и съемками планов крепостей, ведал и квартирмейстерской частью русской армии, с отрядом генерала Н. Н. Муравьева ходил на Босфор.

В 1842 году было утверждено решение об учреждении триангуляции в Закавказье, и, по представлению генерал-адъютанта Головина, назначенного командующим созданным Кавказским отдельным корпусом, полковник Ходзько назначается ее начальником.

Он выхлопотал себе длительную командировку в Пулковскую обсерваторию, основанную В. Я. Струве и им руководимую, для совершенствования своих знаний в астрономии и геодезии и изучения полученных из-за границы новых, более совершенных геодезических инструментов.

Возвратившись на Кавказ, Иосиф Иванович приступил к разработке проекта Закавказской триангуляции, который и был утвержден в 1846 году.

План работ был рассчитан на 6 лет, и уже весной 1847 года Ходзько сам приступил к измерению начального базиса длиной в 8,5 версты по правому берегу реки Куры близ Шамхорской станции.

Вплоть до 1853 года, с апреля по ноябрь, трудились триангуляторы и топографы над воплощением плана триангуляции в натуре, причем все самые трудные и ответственные наблюдения вел сам Иосиф Иванович, выполнив половину всех триангуляционных работ. Так, в 1847 году он поднялся на Алагез (Арагац), где ему с командой пришлось прожить восемь дней, для того чтобы отнаблюдать созданный на вершине пункт. 31 июля 1850 года Ходзько начал восхождение на Большой Арарат с той же целью. Его сопровождали ученые Ханьков, Услар, Мориц, топографы и 60 казаков. В труднейших условиях непривычной высоты, туманов и снежных бурь в течение недели Иосиф Иванович наблюдал 134 направления на главные пункты Закавказской триангуляции, включая Эльбрус и Казбек.

В 1851 году он на горе Галавдур наблюдал солнечное затмение.

К 1854 году были завершены основные работы по развитию триангуляции. Было определено 1386 тригонометрических пунктов, ставших основой предстоящих топографических съемок.

6 декабря 1853 года Ходзько производится в чин генерал-майора.

С организацией в Тифлисе в 1850 году Кавказского отдела Русского географического общества – он его член-учредитель.

«Какой же силой воли, устремленностью и какими познаниями нужно было обладать, чтобы так четко представлять себе нужды и цели, так умело организовывать работы? – думал Андрей, читая о Ходзько. – Недаром его прозвали „отцом Закавказской триангуляции“».

Как только в 1854 году командующим отдельным Кавказским корпусом был назначен Николай Николаевич Муравьев, старый знакомый Ходзько по походу на Босфор, который хорошо понимал значение карт в войне, то, по его представлению, при корпусе был сформирован геодезический отряд, в задачу которого входило создание карт и составление описаний на участки боевых действий в предстоящей кампании против Турции.

В развернувшихся операциях, организуя работу отряда, Иосиф Иванович принимал и непосредственное участие в батальных, как было на реке Чолоке, когда русские войска под командованием генерала Андроникова разбили большой отряд турок. За храбрость Ходзько был награжден орденом Станислава I степени.

Перед штурмом турецкой крепости Карс, когда нужно было планировать эту операцию, генерал Муравьев выделил для прикрытия работ по съемке окрестностей крепости четыре батальона пехоты, два казачьих полка и 8 орудий. На открытой для обзора врага местности генерал-майор Ходзько с подпоручиком Писарским, прикрываемые действиями войск прикрытия, произвели съемку и представили нужную карту. Русские войска одержали победу, за которую генерал Муравьев получил к своей фамилии добавление – Карский.

В последующих боях на эрзерумском направлении геодезисты и топографы отряда своевременно обеспечивали боевые действия войск.

«Вот ведь какое большое значение имеет топографическая карта и описания местности для планирования и ведения боевых действий», – вспомнил Андрей недавний спор офицеров-топографов с офицерами других служб на одном из совещаний в штабе округа по вопросу взаимодействия войск в прошедших операциях в войне с Турцией. Некоторые – до сих пор не понимающие изменившихся форм и методов войны – сторонники борьбы «рать на рать» в чистом поле о значении карт не имели понятия, а самих топографов именовали «табуреточной кавалерией».

События и время не раз посрамляли незадачливых стратегов, но они нередко произрастали на поле брани и действия их стоили крови русского солдата.

В 1858 году, после того как Кавказский корпус был преобразован в отдельную армию, созданный при ней военно-топографический отдел возглавил генерал-майор И. И. Ходзько.

В последующие годы И. И. Ходзько занимался планированием и осуществлением связи Крымской триангуляции с Закавказской, созданием Кавказской триангуляции (на Северном Кавказе, а с завершением в 1859 году войны в Дагестане и восточнее), лично производя наблюдения на пунктах, на заоблачных высотах. Последний пункт отнаблюдал Иосиф Иванович, когда ему было 65 лет, на одной из горных вершин Западного Кавказа. Сорокалетняя деятельность Ходзько была отмечена орденом Белого Орла и денежной рентой на 12 лет. С 1862 года он генерал-лейтенант.

Военно-топографический отдел приступил к созданию и изданию новой десятиверстной топографической карты на весь край, которая отличалась бы полнотой отражения элементов местности и точностью их положения в плане и по высоте.

В 1867 году, выйдя в отставку, И. И. Ходзько сдал свою должность ученику и помощнику по службе – полковнику И. И. Стебницкому.

В 1868 году Иосиф Иванович за большие заслуги в области картографирования края и активную работу в составе Кавказского отдела Географического общества, в котором он в течение 23 лет исполнял обязанности помощника председателя отдела, был награжден высшей наградой общества – Константиновской золотой медалью.

Кавказским отделом была учреждена специальная премия имени И. И. Ходзько в 1500 рублей, которая начиная с 1871 года присуждалась членам отдела за лучшие работы по изучению и описанию края.

Скончался Иосиф Иванович в 1881 году, 21 февраля, в Тифлисе.

Благодаря самоотверженной деятельности таких выдающихся топографов, как Ходзько, его учеников и сподвижников, в середине XIX века была заложена основа для создания топографических карт более крупных масштабов, а введение с 1863 года новых условных знаков и изображения рельефа горизонталями, поступления на вооружение топографов с 1868 года нового кипрегеля позволяло придать картам необходимую полноту и точность.

С 1866 года в Закавказье были начаты съемки топографических карт в масштабах: 250 сажен в дюйме (1:21 000) – для густонаселенных районов, 500 сажен в дюйме (1:42 000, верстовка) – для менее обжитых районов и 1000 сажен в дюйме (1:84 000, двухверстка) – для необжитых, труднодоступных горных областей, с сечением рельефа, соответственно, 2 сажени, 5 и 10 сажен.

В биографии Ходзько перед Пастуховым предстала история предшествующих дел военных топографов Кавказского топоотдела, к счастью, с некоторыми из них предстоит продолжить их дело и ему, перенимая и совершенствуя их опыт.

– Итак, господа офицеры и топографы! – обратился подполковник Близначев к собравшимся топографам отделения. – Записывайте в свои журналы текст задания на производство съемок на 1883 год. Номера назначенных каждому из вас планшетов и их площадь известны,

окончание полевых работ – к октябрю. Моя база в ауле Дылым, что на реке Терегуа, правом притоке реки Акташ. Готовность к переезду в район работ – конец апреля, что будет уточнено приказом по отделу. В этом году одно отделение будет продолжать съемки на восток от Военно-Грузинской дороги, в Тианетском уезде, в котловине между Картлийским и Кахетинским хребтами, южными отрогами горы Барбало Главного Кавказского хребта, остальные же – по Северному Кавказу и Дагестану, от Владикавказа до Темир-Хан-Шуры, начиная с предгорий его.

– Нам еще повезло, – не удержался штабс-капитан Шарифов поделиться своими мыслями вслух, как только начальник отделения окончательно сообщил о месте работ, – масштаб верстовки хотя и строг, но площадь «божеская», не то, что десятиверстка.

– Да и высота предгорий не столь значительна, – подхватил штабс-капитан Шебанов.

– Послушайте, господа! – прервал разговор Голомбиевский. – Я вам прочту выдержку из недавнего сообщения одного известного натуралиста: «Предгорья тянутся неширокой полосой с 20–50 верст высотой над уровнем моря 600–800 сажен, иногда доходя до 1200. Рельеф представлен четко выраженными передовыми хребтами с резким переходом от равнины к горам, с большим количеством низменных участков и котловин. Горы, как правило, покрыты лугами со злаково-попынными травами, которые перемежаются обширными зарослями кустарника и широколиственного леса. Климат более влажный, чем вокруг».

– Данные удовлетворительны, господа топографы. Так что не унывайте – и за дело! – отозвался на сообщение поручик Векилов.

– Первым делом нужно решить, господа, кому бежать на базар за яичками, – объявил поручик Винников.

– Все решено давно, – заявил решительно, посмеиваясь, Федотьев, – Кебадзе, он выберет самые крупные яйца и по дешевке.

– Я не возражаю, – кивая головой в знак согласия, сказал с весьма серьезным видом тот, поглаживая пушистые усы, – но при одном условии, что вы сейчас назначите наивысшую цену, а все остальное на моей совести.

– Твое счастье, что мы не сомневаемся в твоей совести и доверим сие дело и деньги, – рассмеялся Николай Васильевич Жуков, – знаем, что много на этом не заработаешь.

– Обижаешь меня Жуков, нехорошо, не такой я мелочный, чтобы бедняков обдирать, – нахмурившись и смеясь глазами, отвечал Кебадзе.

Скоро все планшеты сушились, расставленные вдоль стен чертежной, готовились журналы, производились проверки инструментов, вновь раскрашивались рейки. Царила обычная предполевая обстановка.

Прибыли казаки из полков, и в конце апреля вереница повозок и конных длинной цепочкой двинулась по Военно-Грузинской дороге на Владикавказ, преодолевая еще глубокие снежные завалы на Крестовом перевале.

От Беслана по дороге, идущей сначала по левому, а потом по правому берегу Сунжи, ехали под благодатными теплыми лучами весеннего солнца, пробуждавшего к жизни все вокруг. Склоны гор представляли взору ковром, сотканным дивным мастером, располагавшим всеми цветами земли, проходившие короткие теплые дожди вызвали сильные испарения оттаявшей почвы, которые парили над землей, переливались волнами и искрились.

Миновали Грозную – теперь только по названию – станицу с такими грязными улицами, что лошади едва тянули повозки. После аула Гудермес отделения начали по одному подниматься в горы, и только одно третье отделение шло на восток все дальше и дальше, лишь после Хасавюрта свернув на Дылым.

Теперь горы высились впереди несколькими ярусами, изменяя с высотой окраску своих склонов. Изумрудная зелень сменялась темно-фиолетовым ярусом, над которым громоздились черно-лиловые кручи. В просветах клубящихся, фантастических наплывов туч перед путниками во всей своей угрюмой красоте вставал горный хребет Салатау.

Когда Пастухов с командой казаков пробирался по узкой, то взбегающей на крутые увалы междуречий, то ныряющей в глубокие ущелья потоков каменистой дороге, он все больше убеждался в ошибочности своих предположений о характере рельефа.

Не пологие, округлые формы, а узкие, скалистые отроги виднелись там, где ему предстояло работать.

– Каково настроение? – прежде всего спросил его подполковник Блинецов, приехавший к Пастухову в аул Гертма через два дня после того, как команда обосновалась в нем.

– Придется, ваше высокоблагородие, подстраиваться под рельеф, – невесело усмехнувшись, ответил Андрей, – сильно и глубоко изрезан весь участок работ, и связь между его частями чрезвычайно затруднена.

– Но и это обстоятельство не без преимуществ, – заметил подполковник, – при составлении съемочной сети будете засекаать все выдающиеся на гребнях и склонах скалы, заметные деревья, кусты и другие предметы местности и после составления и уравнивания высот полигонов будете иметь густую сеть съемочных точек, надежных в плане и по высоте.

Два дня начальник отделения ходил с Пастуховым по его участку, показывая практически, как создать сеть опорных точек на основе всего трех геодезических пунктов, приходящихся на его планшет, и двух-трех направлений на зарамочные, по которым тоже можно ориентировать планшет, если пункты видимы на местности.

– А теперь скажите, – спросил подполковник, – в каких случаях и какими методами вы будете решать задачу Потенота?

Пастухов, перечислив методы и способы: Ламберта, Бесселя, Болотова, Лемана, Боненбергера, Нетто и Ганзена, подробно рассказал об условиях применения каждого из них.

– Вот и прекрасно, Андрей Васильевич, – впервые назвав Пастухова по имени, сказал начальник отделения перед отъездом, проникшись доверием к его познаниям и деловым возможностям, – смело приступайте к работе, а как исполните съемочную сеть, то доложите нарочным, я прибуду на приемку.

Начались дни постоянных трудовых переходов, редко где верхом, больше всего пешком, по тропам, проложенным над кручами животными, а чаще ползком по скалам, издирая в клочья обувь и одежду, царапая до ран тело, ломая ногти на пальцах рук, взбираясь на них или, что еще труднее, спускаясь.

Когда Андрей приступил к съемке рельефа, то убедился, что во всем этом хаосе разбираться придется долго и трудно. Придется применить все свои, хотя и не очень богатые, геоморфологические понятия о рельефе.

Главное, что уж очень, невероятно трудно выполнить основное правило топографа, которому он поклялся следовать в своей работе на съемке: «Не вижу – не рисую». Только это простое и мудрое правило обеспечит правильное понимание и отображение на планшете сущности всех элементов, составляющих геоморфологию участка и региона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.